

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ ЯПОНИИ

Хадленд
Драйс

Древние
легенды и мифы
да и само
представление о Японии
образованы
легендой Хаяма Итохиро
и его учениками

«Сказки — основа культуры Японии»
из книги Хадленд Драйса «Мифы и легенды
Японии»

Хэдленд Дэвис Мифы и легенды Японии

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=612625
Мифы и легенды Японии: Центрполиграф; М.; 2008
ISBN 978-5-9524-3980-1

Аннотация

В этой книге собраны мифы, легенды и сказки, пронизанные колоритной атмосферой японской древности. Автор обращается к истокам национального самосознания, традиций и верований японцев, к существовавшему в представлении давно ушедших жителей Страны восходящего солнца сказочному миру богов и демонов, мудрецов и воинов, волшебных существ и животных.

Содержание

Введение	4
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	40
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Хэдленд Дэвис

Мифы и легенды Японии

Посвящается моей жене

Введение

Книги авторов, пишущих о Японии, оставляют впечатление, что Япония – это реально существующая сказочная страна на Дальнем Востоке.

Нам доставляют удовольствие красота и традиционность этой страны, а также любовь к прекрасному и приверженность старинным обычаям японского народа. Мы подсмеиваемся над их непостижимым для европейцев образом жизни, считаем японскую женщину очаровательной и пленительной, несмотря на ее непривычно яркое для европейского глаза кимоно, и имеем смутное представление о неотъемлемых чертах Японии – чайных домиках, цвете сакуры и гейшах. Мы до сих пор слушаем мелодичную музыку Микадо, но больше не считаем Японию чем-то вроде всем известной фарфоровой тарелки с трафаретным китайским рисунком. Страна восходящего солнца стала Страной солнца восшедшего, поскольку мы узнали, что ее традиционность и красота, ее сказочные обряды и обычаи есть не что иное, как внешние проявления великой и прогрессивной нации. Сегодня мы сознаем, что Япония – это могущественная держава на Востоке.

Японцы, будучи всегда заимствовавшей нацией, быстро впитавшей и переосмыслившей религию, искусство и общественный уклад Китая и поставившей свою национальную печать на том, что они заимствовали у Поднебесной, повсюду искали материал, который укрепил бы их положение и продвижение вперед. Это умение заимствовать – одна из самых выдающихся характерных черт Японии. Она всегда неохотно делилась информацией с другими, но всегда была готова получить доступ к любым знаниям, которые могли бы внести вклад в ее развитие. В XIV веке Кэнко писал в своих «Записках от скуки» («Цурэ-дзурэ-гуса»): «Отправляясь в небольшое путешествие, все равно куда, ты как будто просыпашься»¹, и японцы, живущие в XX веке, воплотили этот отличный совет в жизнь. Они путешествуют всюду и извлекают пользу из своих разнообразных наблюдений. Умение заимствовать достигает у японцев гениальности. Восток и Запад сделали вклад в величие Японии, и многих из нас приводит в изумление, что страна, столь долго пребывавшая в полной изоляции и на протяжении стольких лет связанная феодальными путями, за относительно короткий период времени овладела западной системой вооружения, а также многими нашими этическими и общественными идеями и превратилась в великую мировую державу. Но своим успехом Япония обязана не только заимствованию и умному подражанию, и место среди передовых наций японцы заняли не с быстротой метеора, как могут предположить некоторые из нас.

Сегодня мы много слышим о новой Японии и слишком склонны забывать важность древней, в которую уходит корнями теперешнее государственное устройство. Япония училась у Англии, Германии и Америки тактике современного военного искусства. Она учредила действенные армию и флот на западных границах, но нужно помнить, что в венах великих героев Японии сегодняшней, в венах Того² и Оямы³, до сих пор течет кровь древних

---

¹ Цит. по кн.: Японские дзуйхицу. СПб.: Северо-Запад, 1998. С. 362.

² Того Хэйхатио (1847–1934) – военный деятель, адмирал (1913), участвовал в Японско-китайской войне 1894–1895 гг. Во время Русско-японской войны (1904–1905) командовал японским соединенным флотом. Руководил действиями флота

самураев, а дух их подпитывается, пусть и в современном виде, от древнего кодекса самурая – Бусидо Сёсинсю. Характер японцев до сих пор остается японским, а вовсе не европейским. Величие Японии – в патриотизме ее народа, в его лояльности и искренней любви к своей стране. Синтоизм научил Японию почитать могущественных предков, буддизм, помимо расширения ее религиозных идеалов, внес вклад в ее литературу и искусство, а христианство повлияло на проведение всяческих благотворных общественных реформ.

Существует множество противоречивых теорий о расовом происхождении японской нации, и по этому предмету нет единого мнения. Первыми Японию заселили, вероятно, племена айну, по-видимому пришедшие из Северо-Восточной Азии во времена, когда расстояние, отделяющее острова от материка, не было столь велико, как сегодня. За айну последовали два монгольских нашествия, и эти захватчики без особого труда покорили своих предшественников, но с ходом времени монголов вытеснили на север малайцы с Филиппин. «К 500 году н. э. народности айну, монголы и малайцы слились в единую нацию в процессе, подобном тому, что имел место в Англии после норманнского завоевания. Что же касается национального характера, можно сделать вывод, что айну привнесли в него дух сопротивления, монголы – духовность, а малайцы – те навыки ручного труда и приспособляемость, что являются наследием мореходов». Такие признанные авторитеты, как Баэлз⁴ и Рейн, придерживаются мнения, что японцы являются монголоидной расой и, хотя они смешались путем брака с айну, «обе нации, – пишет профессор Чэмберлейн, – различаются столь отчетливо, как белые отличаются от краснокожих в Северной Америке». Несмотря на то что в Японии на представителей айну смотрят сверху вниз и считают волосатыми аборигенами, достойными интереса антропологов, и снежными людьми, презренными существами, почитающими медведя как символ силы и ярости. Айны тем не менее оставили свой след в Японии. Не исключено, что название Фудзи – искаженное имя Хучи, или Фуци, богини огня айну, и, несомненно, эти аборигены дали большое число географических названий, особенно на севере основного острова, которые сохранились до сего дня. Мы также можем проследить влияние айну в определенных японских суевериях, таких как вера в Каппу, или речного владыку – водяного.

Китайцы называли Японию Жи-бэнь-го⁵ – «Место, откуда приходит Солнце», поскольку архипелаг расположен на востоке их царства, и английские слова *Japan* и *Nippon* произошли от китайского «я-пон»⁶. Марко Поло называл эту страну Чипингу, а одно древнее название Японии описывает ее как «Землю, Богатую Тростниковыми Равнинами, Страну Молодых Рисовых Колосьев Долгих Пяти Тысяч Осеней». Неудивительно, что столь длинное и описательное название не используется сегодня японцами, но интересно, что древнее название Японии Ямато⁷ до сих пор часто используется, «Ямато Дамасий» значит «Дух Непобедимой Японии». Мы до сих пор слышим, что Японию называют Островом Стрекозы. В старинных японских хрониках говорится, что император в 630 году до н. э. поднялся на холм, носящий название Ваки Каму-но Хацума, с которого можно было обозревать страну со всех сторон. Красота Японии произвела на него сильное впечатление, и он сказал, что она напоминает «стрекозу, лижущую свое брюшко», и остров получил название Акицу-Сима (Остров Стрекозы).

против Порт-Артура и в Цусимском сражении.

³ Ояма – японский маршал, главнокомандующий сухопутной армией в Русско-японской войне 1904–1905 гг.

⁴ Немецкий врач Эрвин Баэлз находился на службе в Министерстве Двора.

⁵ Три китайских иероглифа «жи»-«бэнь»-«го» означают соответственно «солнце» – «корень» – «страна».

⁶ Иероглифы «жи-бэнь» на диалектах Южного Китая произносятся «я-пон», такое звучание и перешло потом в европейские языки. По-японски эти иероглифы читаются как «ниппон». И именно это название утвердилось, став официальным названием японского государства вместо древнего Ямато.

⁷ Ямато (*яп.*) – дословно «Путь Гор».

«Кодзики», или «Записки о Деяниях Древности», законченные в 712 году н. э., описывают древние традиции японцев начиная с мифов и основ синтоизма и постепенно становятся все более и более историческими ближе к их завершению. Доктор Астон пишет в своей книге «История японской литературы»: «Кодзики», сколь ни ценно может быть для исследователей мифологии, обычаев, языка и легенд Древней Японии, – очень слабое произведение рассматриваем ли мы его как литературное произведение или как хроники исторических событий. Как исторические записи они не идут ни в какое сравнение с «Нихонги» – хрониками Японии, завершенными в 720 году н. э., включающими мифы, легенды, поэзию и историю с древних времен до 697 года н. э., более современным произведением, написанным китайскими иероглифами. Хотя этот язык представляет собой странную смесь китайского и японского, здесь явно сделана слабая попытка придать повествованию характер художественного произведения. Обстоятельства, при которых создавались «Нихонги», являются частичным объяснением очень любопытного стиля, в котором они написаны. Нам известно, что человек по имени Ясумаро, обученный китайской грамоте, записал это произведение со слов некоего Хиэда-но-Арэ, который обладал «столь удивительной памятью, что мог облечь в слова все, что происходило перед его глазами, и запомнить на всю жизнь то, что хоть раз слышали его уши». Возможно, что Хиэда-но-Арэ был одним из катарибэ, или потомственных сказителей, обязанностью которых было декламировать «древние слова» перед Микадо при Дворе в Нара по определенным государственным событиям.

«Кодзики» и «Нихонги» являются источниками, из которых мы узнаем древние мифы и легенды Японии. На страницах этих произведений мы встречаемся с Идзанаги и Идзанами, Аматаэрасу, Суса-но-О и другими многочисленными божествами, и об этих царственных существах мы находим повествования, очаровательные своей стариной, прекрасные, отличающиеся своеобразным юмором, а иногда и слегка ужасные. Что может быть более наивным, чем любовное соитие Идзанаги и Идзанами, которым пришла в голову мысль пожениться после того, как они увидели брачные игры двух трясогузок? В этом древнем мифе прослеживается превосходство мужчины над женщиной, превосходство, сохранявшееся в Японии до недавнего времени, упроченное, несомненно, «Онна-Дайгаку», «Великим Наставлением для женщин» Каибары⁸. Но в затянувшейся ссоре между Богиней Солнца и ее братом, Порывистым Богом-Мужем, старинные хроники делают упор на подлость Суса-но-О. Аматаэрасу же, любопытное сочетание божества и земной женщины, изображена как идеальный тип богини. Она предстает перед нами готовящейся к войне и строящей укрепления, топая ногами по земле, из любопытства выглядывающей из своего грота в скале или смотрящейся в Священное Зерцало. Аматаэрасу – центральная фигура в японской мифологии, ведь именно эта Богиня Солнца является родоначальницей Микадо – японских императоров.

В цикле легенд, известных как «Эпоха богов», мы знакомимся со Священными Сокровищами, узнаем о происхождении японских народных танцев и в воображении странствуем по Равнине Высокого Неба, стоим на Плывущем Мосту, попадаем в Срединную Страну Тростниковой Равнины, заглядываем в Страну Ёми и следуем за Хоори-но-микото во Дворец Дракона – Повелителя Моря.

Древние герои и воины, всегда считавшиеся низшими божествами – полубогами, да и сама природа синтоизма, связанная с поклонением предкам, обогатили пантеон богов Японии множеством очаровательных легенд. Из-за своей силы, умения обращаться с оружием, выносливости и счастливой способности преодолевать всяческие трудности с помощью находчивости и предприимчивости японский герой обязательно должен занимать высокое положение среди знаменитых воинов других стран. В героях Японии есть нечто возвышенно-рыцарское, что привлекает особое внимание. Доблестным мужем считается тот, кто

⁸ Каибара Эккэн (1630–1714) – знаменитый японский ученый.

сражается на стороне слабого или искореняет зло и деспотизм, и мы прослеживаем в японском герое, очень далеко от грубого вояки, эти превосходнейшие качества. Он не всегда выше критики, а иногда мы находим в нем чуточку хитрости, но подобные качества чрезвычайно редки и очень далеки от того, чтобы быть национальной чертой характера. Врожденная любовь к поэзии и прекрасному оказала свое облагораживающее влияние на японского героя, в результате чего его сила сочетается с добротой.

Бэнкэй – один из самых любимых героев Японии. Он обладал силой многих мужчин, его тактичность граничила с гениальностью, чувство юмора было сильно развито, и самые любящие японские матери не смогли бы проявить больше доброты, когда жена его господина рожала ребенка. Когда Ёсицунэ и Бэнкэй во главе войска Минамото, в конце концов, победили клан Тайра в морской битве при Дан-но-Ура, их успех пробудил зависть Сегуна, и два великих воина были вынуждены бежать из страны. Мы последуем за ними через моря и горы, снова и снова становясь свидетелями того, как им удается провести своих врагов. В Мацуэ против этих двух несчастных воинов была послана огромная армия. Огни костров⁹ вражеской армии обогнули сверкающей линией последнее пристанище Ёсицунэ и Бэнкэя. В доме, где Ёсицунэ находился со своей женой и маленьким ребенком, веяло Смертью, но лучше принять смерть по приказу Ёсицунэ, чем врагов у ворот. Младенца умертвил слуга, а Ёсицунэ, обхватив голову любимой жены левой рукой, вонзил свой меч, который держал правой рукой, глубоко ей в горло. Лишив жизни жену, Ёсицунэ сделал харакири.

Бэнкэй, однако, встретил врага лицом к лицу. Он встал, широко расставив ноги, прислонившись спиной к скале. Когда наступил рассвет, он все еще стоял, широко расставив ноги, но тысячи стрел вонзились в тело храбреца. Бэнкэй был мертв, но даже смерть была слишком слаба, чтобы свалить его с ног. Солнце озаряло человека, который был настоящим героем и остался навсегда верен своим словам: «Куда мой господин – туда и я. Что бы его ни ожидало – будь то победа, будь то смерть, – я последую за ним».

Япония – страна горная, а в таких странах мы ожидаем найти расу стойких, храбрых людей. И конечно, Страна Восходящего Солнца дала многих воинов, достойных стоять в одном ряду с рыцарями короля Артура. Немало легенд сложено о победах над духами, демонами и великанами и о спасении дев, которые имели несчастье стать их пленницами. Один герой убивает огромное чудовище, которое поселилось на крыше императорского дворца, другой – предает смерти Демона горы Оэяма, еще один разрубает своим мечом гигантского паука, а другой поражает змея. Все японские герои, какой бы подвиг они ни совершали, проявляют дух авантюризма и ту целеустремленность, то самое холодное презрение к опасности и смерти, которые характерны для японского народа и в наши дни.

«Рубщик Бамбука и Лунная Дева» (глава III) – это пересказ произведения X века под названием «Такэтори Моногатари», являющегося почти самым первым примером японского романтизма. Автор неизвестен, но ему наверняка была хорошо известна придворная жизнь в Киото. Все действующие лица в этой очаровательной легенде – японцы, но большая часть событий заимствована из Китая, страны, столь богатой яркими сказками. Господин Ф.В. Дикинс пишет о «Такэтори Моногатари»: «Мастерство и изящество, с какими ведется повествование о Деве Кагуя, истинно японские, его непринужденная грусть, его естественное красноречие настолько своеобразны, что ни в Среднем Королевстве, ни на Острове Стрекозы не найдется произведений, простое очарование и чистота мыслей и языка которых могли бы сравниться с ним».

При изучении японских легенд особенно поражает их универсальность, а также очень резкий контраст. Большинство народов обожествляли Солнце и Луну, звезды и горы и все

⁹ Костры в боевом стане зажигали не с целью подать сигнал, а для устрашения противника, чтобы создать у него впечатление о многочисленности неприятельских войск. Для этого стремились зажечь как можно больше огней.

величественные творения природы, но японцы считают красные цветы азалий кострами богов, а белые снега Фудзи называют одеждами божеств. Их легенды, с одной стороны, в высшей степени поэтичны, но с другой – и прозаичны – японцы, почитающие Гору Фудзи, также сложили легенды о призраках, в которых рассказывается о самых мелких насекомых. Нельзя слишком переоценивать любовь японцев к природе. Древние мифы, записанные в «Кодзики» и «Нихонги», представляют значительный интерес, но их нельзя сравнивать с более поздними легендами, которые наделяют душу деревья, цветы и бабочек или описывают те религиозные традиции, что так деликатно, но в то же время так убедительно показывают божественное значение природы. Праздник Мертвых мог возникнуть у народа, для которого прекрасное есть опора и радость жизни. Ведь этот праздник – не что иное, как призыв к ушедшим мертвым вернуться в свои старые земные любимые места в летнее время, пересечь зеленые холмы, поросшие соснами, побродить по извилистым тропам у озера и по берегу моря, задержаться в старинных, хорошо ухоженных садах и пройти в дом, где, невидимые сами, они могут так много увидеть. Для образа мыслей японца, для тех, кто сохранил еще дух Древней Ямато, самое блестящее описание Буддийского Рая не идет ни в какое сравнение с самой Японией в летнее время.

По-видимому, не так уж плохо, что японские миф, легенда, сказка и фольклор не являются исключительно поэтическими, в противном случае мы оказались бы в опасности пере насытиться слащавостью. Ведь мы восхищаемся арками готического собора не меньше, чем видом отвратительных горгулий на фасадах церквей, и в легендах Японии мы находим много гротескного и резко контрастирующего, к примеру в традициях, связанных с добрым и любящим Дзидзо. В японской легенде много грубого реализма. Мы с отвращением узнаем о любимом пиршестве Бога Грома, изумляемся волшебной силе лисиц и кошек; а повествование о «Безухом Хоити» и пожирающем трупы священнике представляют поразительные примеры сочетания таинственного и ужасного. В одной легенде мы смеемся над выходками чайника-барсука, а в другой растроганы почти до слез, когда читаем о детском маленьком футоне, шепчущем: «Старшему братцу, наверное, холодно? – Нет, тебе, наверное, холодно?» Известны многочисленные тома японских сказок, но до сих пор не появилась ни одна книга, которая давала бы обстоятельное исследование мифов и легенд страны, столь богатой своими давними и красивыми традициями, и я надеюсь, что моя книга, результат большого, но приятного труда, внесет достойный вклад в изучение этого вопроса. Я не предпринимал попытки издать полное собрание японских мифов и легенд, поскольку «имя им легион», и благоразумно сделал отбор, который в любом случае является репрезентативным, и многие легенды, вошедшие в эту книгу, будут новыми для непосвященного читателя.

Лафкадио Херн писал в одном из своих писем: «Волшебный мир снова поймал мою душу, очень осторожно и нежно – как ребенок ловит бабочку», и если мы тоже проникнемся тем же духом, то совершив путешествие в Страну Богов, где великий Кобо Дайси напишет на небесах и на текущей воде, в наших сердцах что-то о величии и волшебстве Древней Японии. В сопровождении Кобо Дайси мы станем свидетелями возникновения Горы Фудзи, побродим по Дворцу Морского Дракона и по Стране Вечной Молодости, увидим битвы могучих героев, услышим мудрость святых, перейдем Млечный Путь по мосту из сорок, а когда устанем – уютно устроимся в длинном рукаве всегда улыбающегося Дзидзо.

Хэдленд Дэвис

Глава 1 ПРОИСХОЖДЕНИЕ МИРА

Начало...

Нам известно, что в самом начале «Земля и Небо еще были единым целым, а Ин и Ё не отделились». Это напоминает нам другие легенды о сотворении мира. Ин и Ё, соответствующие китайским Инь и Ян, олицетворяют женское и мужское начала. Сказителям Древней Японии было гораздо удобнее представлять сотворение мира по аналогии с обычными человеческими родами. В полинезийской мифологии мы находим довольно похожую концепцию – Ранги (Отец-Небо) и Папа (Мать-Земля), представляющие Небеса и Землю. Далее такие же параллели можно обнаружить в египетской мифологии и других космогонических мифах. Почти везде мы находим, что принцип мужского и женского начала занимает выдающееся и в конечном итоге очень рациональное место.

В «Нихонги» говорится, что эти мужское и женское начала «образовывали хаотическую массу, похожую на яйцо, с расплывчатыми границами и зародышами внутри». В конце концов, это яйцо пробудилось к жизни, его прозрачная и более чистая часть отделилась и стала Небом, тогда как более тяжелые элементы опустились и стали Землей, которая «напоминала рябь, оставляемую плывущей рыбой на поверхности воды...». Таинственное нечто, напоминающее побег тростника, внезапно появилось между Небом и Землей и столь же внезапно обратилось в бога, названного Куни-токо-тати (Владыка Августейшей Середины Неба). Мы можем опустить рождение других божеств до появления очень важных в японской мифологии богов, известных как Идзанаги и Идзанами (Первый Мужчина и Первая Женщина). Именно об этих божествах и сложен замечательный миф.

Идзанаги и Идзанами

Идзанаги и Идзанами стояли на Плывущем Небесном Мосту и смотрели вниз, в бездну. Они задались вопросом, существует ли далеко-далеко под Плывущим Небесным Мостом земля, и решили это выяснить. Для этого они опустили копьё из драгоценного камня вниз и обнаружили океан. Слегка приподняв копьё, с которого стекала вода, они сотворили из загустевших водных капель остров Оногоро-дзима (Самозагустевший).

На этот остров и спустились два божества. Вскоре после этого они решили стать мужем и женой, хотя на самом деле были братом и сестрой, но на Востоке подобные родственные отношения не являются препятствием для брака. Для этого божества общими усилиями установили на острове столб. Идзанаги пошел вокруг него в одну сторону, а Идзанами – в другую. Когда они встретились, Идзанами сказала:

– Восхитительно! Я встретила прекрасного юношу. Кто-то мог бы подумать, что такой трогательный комплимент должен был понравиться Идзанаги, но он, напротив, чрезвычайно разозлился и резко ответил:

– Я – мужчина и по праву должен говорить первым. Как получилось, что ты, женщина, заговорила первой? Это к несчастью. Давай обойдем столб еще раз.

Итак, божества начали все сначала. Они снова встретились, но на этот раз Идзанаги заметил первым:

– Восхитительно! Я встретил прелестную девушку. Вскоре после этого незамысловатого предложения руки и сердца Идзанаги и Идзанами поженились.

Когда Идзанами произвела на свет острова, моря, реки, травы и деревья, она попросила совета у своего мужа и господина:

– Мы уже сотворили Великую Страну Восьми Островов с горами, реками, травами и деревьями. Почему бы нам не создать кого-нибудь, кто мог бы стать Правителем Вселенной?

Желание богов осуществилось, и по прошествии надлежащего времени родилась Ама-тэрасу – Богиня Солнца. Она также известна под именем Великая Священная Богиня, Озаряющая Небо, и была так прекрасна, что родители решили отправить ее вверх по Небесной Лестнице высоко в небеса, чтобы всегда освещать своим победоносным сиянием Землю.

Их следующим ребенком был Цуки-юми – Бог Луны. Его серебряное сияние не было столь ярким, как золотая лучезарность сестры, Богини Солнца, но тем не менее сочли, что он вполне подходит ей в мужья. Поэтому Бог Луны тоже поднялся на небо по Небесной Лестнице. Но вскоре они поссорились, и Ама-тэрасу сказала:

– Ты – злой Бог. Я не желаю встречаться с тобой лицом к лицу.

Поэтому они жили врозь, разделенные днем и ночью.

Следующим ребенком Идзанаги и Идзанами был Суса-но-О (Доблестный, Быстрый и Ярый Бог-Муж из Суса¹⁰). Мы расскажем о нем и его проступках позже, а пока будем довольствоваться тем, что снова обратим внимание на родителей.

Идзанами родила Кагу-цути – Бога Огня. Роды этого младенца сильно подорвали ее здоровье. Идзанаги пал на колени, горько плакал и стонал. Но его печаль ничем не помогла Идзанами, и она удалилась в Страну Ёми¹¹.

Ее муж, однако, не мог жить без нее и через некоторое время тоже отправился в Страну Ёми. Когда он обнаружил свою жену, та горестно спросила у него:

– Мой муж и господин, почему ты пришел так поздно? Я уже успела поесть с Очага Страны Ёми. Как бы там ни было, я хочу прилечь отдохнуть. Умоляю, не смотри на меня!

Идзанаги, движимый любопытством, не выполнил просьбы своей жены. В Стране Ёми было темно, поэтому он незаметно вытащил свой частый гребень, отломил от него зубец и поджег его. Зрелище, открывшееся ему, было чрезвычайно омерзительным и вселяющим ужас. Его когда-то прекрасная жена теперь превратилась в распухшую, истекающую гноем тварь. На ней сидели восемь воплощений бога Грома. Божества Огненного, Земляного и Горного Грома злобно смотрели на него, извергая громкий рык.

Идзанаги был напуган и с отвращением сказал:

– Я, сам того не зная, забрел в отвратительную и оскверненную страну.

Его жена обиженно отвечала:

– Почему же ты не выполнил того, о чем я просила тебя? Теперь я посрамлена.

Идзанами так рассердилась на своего господина за то, что тот пренебрег ее желанием и нарушил ее уединение, что послала в погоню за ним Восемь Уродливых Женщин Страны Ёми. Идзанаги обнажил меч и бросился спасаться бегством из темного Подземного Царства Мертвых. На бегу он снял с себя головную повязку и бросил ее на землю. Повязка в тот же миг превратилась в виноградную гроздь. Когда Восемь Уродливых Женщин Страны Ёми увидели виноград, они наклонились и стали пожирать ароматный фрукт. Идзанами, увидев, что они остановились, сочла, что лучше будет, если она сама пустится в погоню за своим мужем.

К этому времени Идзанаги уже достиг прохода, отделяющего Страну Ёми от остального мира. Там он перегородил проход огромной скалой и в конце концов оказался лицом к лицу с Идзанами. Вряд ли кто-то мог подумать, что в гуще столь захватывающих приключе-

---

¹⁰ Суса – название местности в Издзумо.

¹¹ Страна Ёми – Царство Мертвых.

ний Идзанаги торжественно объявит о расторжении их брака, но именно так он и поступил. На что Идзанами ответила:

– Мой дорогой муж и господин, если ты действительно намерен так поступить, я пере-
душу всех людей за один день.

Эта горестная и угрожающая речь ни в коей мере не смутила Идзанаги, который с
готовностью отвечал, что уж он постарается, чтобы в день рождалось не менее тысячи пяти-
сот человек.

Эта реплика, должно быть, оказалась решающей, поскольку, когда мы далее встре-
чаемся с Идзанаги, он уже благополучно спасся из Страны Ёми от разгневанной жены и
избежал преследования Восьми Уродливых Женщин. После своего возвращения он совер-
шал многочисленные очищающие омовения и тем самым породил еще немало богов. В
«Нихонги» сказано: «После этого Идзанаги, исполнив свое божественное предназначение,
когда его духовное состояние потребовало перемен, собственными руками воздвиг мрачное
пристанище на острове Авадзи¹², где и пребывает поныне в тишине и уединении».

Ама-тэрасу и суса-но-О

Суса-но-О, Доблестный, Быстрый Ярый Бог-Муж, был братом Ама-тэрасу, Богини
Солнца. Теперь Суса-но-О считается не самым благожелательным божеством, и в пантеоне
японских богов он, определенно, бог, доставляющий беспокойство. Его характер описан в
«Нихонги», возможно, подробнее, чем характеры остальных упоминающихся в этом памят-
нике древности богов. Суса-но-О обладал очень скверным нравом, «который зачастую про-
являлся в жестоких и злых поступках». Более того, несмотря на длинную бороду, у него была
привычка подолгу лить слезы и причитать. Как ребенок в приступе раздражения может раз-
бить игрушку на кусочки, так и Суса-но-О в приступе ярости мог без предупреждения иссу-
шить когда-то зеленеющие горы, а кроме того, принести преждевременную смерть многим
людям.

Его родители, Идзанаги и Идзанами, были очень обеспокоены его выходками и, посо-
ветовавшись, решили изгнать своего непокорного сына в Страну Ёми. Однако Суса-но-О не
удержался от высказывания по этому поводу. Он изложил следующую просьбу, заявив:

– Я тотчас же покорюсь вашей воле и отправлюсь в Страну Мертвых (Ёми). Но мне
хотелось бы ненадолго подняться на Такама-но-хара – Равнину Высокого Неба и встретиться
с моей старшей сестрой Ама-тэрасу, после чего я уйду навсегда.

Такая явно безобидная просьба была выполнена, и Суса-но-О поднялся на Небо. Его
отбытие вызвало волнение на море, а по горам и холмам прошел стон.

Ама-тэрасу услышала эти звуки и, понимая, что они предвещают близкое появление
Неистового Бога Суса-но-О, сказала сама себе: «Разве мой младший братец идет ко мне с
благими намерениями? Думаю, на самом деле его цель – лишить меня царства. По воле
наших родителей у каждого из нас есть собственные владения. Почему же он отказывается
от предназначенного ему царства и осмеливается проникнуть в мою страну, чтобы шпионить
за мной?»

И тогда Ама-тэрасу стала готовиться к войне. Она завязала свои волосы в узлы и укра-
сила их драгоценностями, вокруг запястий обмотала «порфиرونосную нить из пяти сотен
наконечников стрел из драгоценных камней». Когда вдобавок к этому она повесила на спину
«колчан с тысячей стрел и колчан с пятью сотнями стрел» и надела кожаные наручи, чтобы
защитить руки от отскакивающей тетивы, то приобрела очень грозный вид. Приготовив-

---

¹² Авадзисима – префектура Хиого.

шись к смертельной битве, Ама-тэрасу взмахнула луком, сжала рукоять меча и стала топтать ногами по земле, пока не образовалась яма, достаточно глубокая, чтобы служить укрытием.

Все эти старательные и искусные приготовления оказались напрасными. Порывистый Суса-но-О предстал перед ней в образе кающегося грешника.

– Сначала, – сказал он, – в глубине души я не был порочен. Но поскольку, подчиняясь воле наших родителей, я приготовился навеки отправиться в Страну Ёми, как я могу отправиться в путь, не повидавшись с моей старшей сестрой? Именно по этой причине я пешком пересек облака и туманы и пришел сюда издалека. Я удивлен, что моя старшая сестра встречает меня с таким сердитым выражением лица.

Ама-тэрасу восприняла его высказывание с определенной долей подозрительности. Кажущуюся братскую почтительность Суса-но-О и его жестокость было не так-то просто примирить. Поэтому она решила проверить его искренность в удивительном испытании, описывать которое нет нужды. Достаточно сказать лишь, что испытание доказало чистоту помыслов и искренность Суса-но-О по отношению к старшей сестре.

Но конечно же примерное поведение Суса-но-О продлилось недолго. Случилось так, что Ама-тэрасу разбила на Небесах несколько великолепных рисовых полей. Некоторые были узкими, другие длинными, и Ама-тэрасу по праву очень ими гордилась. Как только она весной посадила зерна, Суса-но-О разрушил межи между полями, а осенью запустил туда нескольких пегих жеребят.

В один прекрасный день, увидев свою сестру за ткацким станком в священных Ткацких Покоях, когда та была занята изготовлением одеяний для богов, он проделал дыру в крыше и бросил туда шкуру, содранную с живой лошади. Ама-тэрасу так напугалась, что случайно поранилась челноком. Сильно разозлившись, она решила покинуть свое жилище. Завернувшись в свои сияющие одежды, она спустилась с голубых небес, вошла в грот, заперла вход и уединилась там.

Теперь весь мир погрузился во мрак, отличить день от ночи никому было не под силу. Как только произошла эта ужасная катастрофа, великое множество богов собралось на берегу Небесной Реки и стало обсуждать, как им лучше убедить Ама-тэрасу снова удостоить Небеса своим сияющим великолепием. После долгих рассуждений сам Бог, Объединяющий Мысли, собрал вместе «долго поющих птиц» – петухов из Вечной Земли. После всевозможных прорицаний на лопатке оленя над костром из вишневого коры боги создали несколько резцов, кузнечные меха и горны. Они сковали из звезд Священное Зерцало, а потом изготовили Магатама – магическое ожерелье из резных яшм и музыкальные инструменты.

Когда все было готово, великое множество богов пришло к гроту в скале, где скрывалась Богиня Солнца, и устроили небывалое представление. На верхних ветвях Древа Истины сакаки¹³ они развесили Магатама, а на средних повесили Священное Зерцало. Прекрасное пение петухов, чей крик возвещает наступление утра, слышалось со всех сторон, но оно было лишь прелюдией к тому, что за этим последовало. И тогда Удзумэ¹⁴ взяла в руку копье, оплетенное травой еввали-ей, и сделала головной убор из ветвей Древа Истины сакаки. Затем она перевернула чан и стала танцевать на нем бесстыдно, распустив завязки своей одежды, что через какое-то время вызвало громовой хохот богов.

Естественно, столь необычный поступок пробудил любопытство Ама-тэрасу, и она украдкой выглянула наружу. Ее золотое сияние снова явилось миру, она поселилась на Такама-но-хара – Равнине Высокого Неба, а Суса-но-О должным образом наказали и изгнали в Страну Ёми.

---

¹³ Сакаки – клейера японская – синтоистское священное деревцо.

¹⁴ Амэ-но Удзумэ-но Микото – Небесная Богиня Отважная («удзуси» или «одзоси» (яп.) – значит «сильный», «мужественный»).

Суса-но-О и Змей

Принимая во внимание тот факт, что обычно в мифах и легендах часто встречаются несообразности и разночтения, нас не удивляет то, что мы совсем не находим в них никаких упоминаний о жизни Суса-но-О в Стране Ёми. Когда мы вновь встречаемся с ним, он уже совсем позабыл свой злобный нрав. Действительно, мы обнаруживаем его в роли, достойной рыцарей Круглого Стола, и остаемся в полном неведении о том, было ли его превращение в благородного рыцаря хитрой уловкой из-за каких-то тайных мотивов, или же внезапное удаление его сестры Небес заставило Суса-но-О навсегда изменить свое дурное поведение.

Спустившись с Небес, Суса-но-О оказался на берегу реки Хи, что в Стране Идзумо (Срединной Стране Тростниковой Равнины). Тут его внимание привлек чей-то плач. Для Суса-но-О было так непривычно слышать, что плачет кто-то другой, что он отправился искать причину этого горя и нашел старика и старуху. Между ними стояла юная дева, руки и ноги которой они нежно гладили и смотрели на нее так печально, будто прощались с ней навсегда. Когда Суса-но-О спросил пожилую пару, кто они и почему так горюют, старик отвечал:

– Я – Земной Бог, и зовут меня Аси-надзути (Старец, Глядящий Ноги). Имя моей жены Тэ-надзути (Старуха, Глядящая Руки). Девушка эта – наша дочь, и зовут ее Куси-нада-химэ¹⁵. Скорбим же мы потому, что вначале у нас было восемь дочерей, но всех их год за годом пожирает восьмирогий Змей, и теперь приближается время, когда Змей сожрет и эту дочь. Ей не спастись, оттого-то мы так сильно и горюем.

Доблестный, быстрый и ярый Суса-но-О выслушал эту печальную историю с должным вниманием и, заметив, что девушка чрезвычайно красива, предложил сразить восьмиглавого Змея, если в награду за его услугу родители отдадут девушку ему в жены. Старики с готовностью согласились.

Тогда Суса-но-О превратил Куси-нада-химэ в частый гребень и воткнул его себе в волосы. Потом он велел старикам наварить много sake. Когда sake было готово, он налил его в восемь чанов и стал поджидать, когда появится это страшное чудовище.

В конце концов Змей явился. У него действительно было восемь голов, восемь рогов, а глаза на всех головах были «красные, как зимняя вишня». Более того, у него было еще и восемь хвостов, а пихты и кипарисы росли у него прямо на спине. В длину он был как восемь холмов и восемь долин. Змей передвигался тяжело и медленно, но, обнаружив sake, каждая голова с жадностью принялась пить соблазнительный напиток до тех пор, пока Змей не опьянел так сильно, что заснул. Тогда Суса-но-О, не слишком опасаясь, выхватил свой меч десяти пядей в длину и разрубил огромное чудовище на мелкие кусочки. Когда он отрубал один из хвостов, лезвие его меча внезапно надломилось, и, наклонившись, он обнаружил меч, называемый «Мураку-мо-но-Цуруги» («Небесный Меч из Кучащихся Облаков»). Рассудив, что меч, скорее всего, волшебный, он отдал его Небесным Богам.

Победив Змея и исполнив свой долг, Суса-но-О превратил частый гребень снова в Куси-нада-химэ и вместе с ней добрался до местечка под названием Суга, что в провинции Идзумо, чтобы отпраздновать свадьбу.

---

¹⁵ Куси-нада-химэ – Чудесная Дева из Инада; «куси» также переводится как «гребень», «химэ» – суффикс почтительности, добавляемый к имени знатной девушки.

Посланники богов

К тому времени боги, собравшиеся на Равнине Высокого Неба, были обеспокоены постоянными нарушениями спокойствия в Срединной Стране Тростниковой Равнины (Идзумо).

Нам сообщается, что «тогда равнины, скалы, деревья и травы еще умели говорить. По ночам они издавали шум, подобный треску пламени, а в дневное время гудели, как мухи в пятую луну». Вдобавок некоторые божества стали вести себя предосудительно. Боги решили положить конец этим беспорядкам, и, посоветовавшись, Така-ми-мусуби (Бог Высокого Священного Творения) решил отправить своего внука Ниниги (Юноша – Бог Изобилия Рисовых Колосьев) править Срединной Страной Тростниковой Равнины, искоренить мятеж и принести мир и процветание на эту землю. Сочли необходимым предварительно отправить посланников, чтобы провести подготовительные работы к прибытию Ниниги. Первым посланником был Амэ-но-хохи (Бог Небесного Рисового Колоса), но поскольку он по прошествии трех лет так и не дал о себе знать пославшим его богам, на его место был отправлен его сын¹⁶. Тот, однако, придерживался точно такой же линии поведения, что и его отец, и игнорировал приказы богов. Третьим посланником стал Амэ-но-вака-хико (Небесный Юнец). Он тоже проявил неповиновение, несмотря на свое благородное оружие, и вместо того, чтобы выполнить порученное, влюбился и взял в жены Сита-Тэру-химэ (Дева – Снизу Светящаяся Богиня).

Тогда собравшиеся боги рассердились из-за длительного ожидания и послали самку фазана по имени На-кимэ (Плачущая Женщина) узнать, что происходит в Идзумо. Фазаниха слетела вниз и уселась на верхушку кассии – коричневого дерева, которое росло перед воротами жилища Амэ-но-вака-хико. Когда Амэ-но-вака-хико увидел птицу, он тут же в нее выстрелил. Стрела пронзила Накимэ насквозь, долетела до Равнины Высокого Неба, где находились боги, и была отброшена назад, да так сильно, что убила непокорного и праздного Амэ-но-вака-хико.

Плач Сита-тэру-химэ достиг самих Небес, ведь она любила своего господина и не смогла распознать в его внезапной смерти справедливую месть Богов.

Она плакала так громко и жалобно, что небожители услышали ее. Поднялся сильный ветер, и тело Амэ-но-вака-хико взлетело вверх на Равнину Высокого Неба. Соорудили погребальный дом, в который положили усопшего. Франк Риндер пишет об этом: «Восемь дней и восемь ночей не прекращались плач и стенания. Дикий гусь на реке, цапля, зимородок, воробей и фазан в великой скорби оплакивали погибшего».

В то время друг Амэ-но-вака-хико, которого звали Адзи-сики-така (Юноша – Высокий Бог Плугов), услышал печальные погребальные песни, доносившиеся с Небес. Поэтому он отправился выразить свои соболезнования. Адзи-сики-така так сильно был похож на покойного, что, когда родители, родственники, жена и дети Амэ-но-вака-хико увидели его, они воскликнули:

– Наш господин по-прежнему жив!

Это здорово разозлило Адзи-сики-така. Он вытащил свой меч и разрубил погребальный дом, да так, что тот упал на Землю и превратился в гору Мояма (Погребальная Гора).

Нам известно, что сияние Адзи-сики-така было таким лучезарным, что оно освещало пространство двух холмов и двух долин. Собравшиеся на погребальную церемонию пели песню.

---

¹⁶ Амацу-куни-дама – Небесный Бог – Дух Страны.

После этого еще двух богов послали в Срединную Страну Тростниковой Равнины, и они успешно справились со своей миссией. Боги вернулись на Небеса с благоприятным докладом о том, что все уже готово к прибытию Божественного Внука.

Прибытие божественного внука

Ама-тэрасу наградила своего внука Ниниги, или Юношу – Бога Изобилия Рисовых Колосьев, многочисленными дарами. Она дала ему драгоценные камни, добытые у подножия Небесных Гор, белые хрустальные шары, а также самый дорогой подарок – волшебный меч «Му-ракумо-но-Цуруги» («Небесный Меч из Кучащихся Облаков»), извлеченный Сусано-О из поверженного им восьмирогого и восьмиглавого Змея. Еще она дала ему Священное Зерцало из звезд, с помощью которого Ама-тэрасу выманили из Небесного Скалистого Грота. Несколько Богов отправили сопровождать Ниниги, в том числе и ту веселую Богиню танца и веселья Удзумэ, чей танец, как мы помним, так позабавил Богов.

Не успели Ниниги и его спутники пробраться через облака и появиться на небесной развилке из восьми дорог, как они, на свою беду, обнаружили гигантское существо с огромными, ярко светящимися глазами. Вид гиганта был так грозен, что Ниниги и все его спутники, за исключением веселой и очаровательной Удзумэ, решили повернуть назад с намерением отказаться от своей миссии. Но Удзумэ подошла к великану и спросила, кто он такой и как он смеет мешать им следовать дальше. Великан отвечал:

– Я – Бог Полевых Дорог. Я пришел выразить свое почтение Ниниги и прошу оказать мне честь быть его проводником. Вернись к своему повелителю, о прекрасная Удзумэ, и передай ему мои слова!

Удзумэ вернулась и передала послание великана Богам, которые так постыдно отступили. Когда те услышали хорошую весть, то очень обрадовались, снова пробились сквозь облака, отдохнули на Небесном Плывущем Мосту и, в конце концов, достигли вершины горы Така-тихи.

Порфироносный Внук в сопровождении Бога Полевых Дорог пропутешествовал из конца в конец по царству, которым должен был править. Когда он добрался до одного особенно очаровательного местечка, то решил возвести там дворец.

Ниниги был так доволен услугами Бога Полевых Дорог, что решил отдать в жены великану веселую Удзумэ.

Воздав должное своему верному проводнику столь романтическим образом, Ниниги сам начал ощущать потребность в любви и однажды, прогуливаясь по берегу, увидел прекрасную девушку.

– Кто ты, прекраснейшая из женщин? – спросил Ниниги.

Девушка отвечала:

– Я – дочь Оо-яма-цуми-но ками (Бога – Духа Больших Гор). Имя мое Ко-но-хана-но-сакуя-бимэ (Дева Цветения Цветов на Деревьях).

Ниниги влюбился в Ко-но-хана-но-сакуя-бимэ. Он поспешно отправился к ее отцу Оо-яма-цуми-но ками и попросил руки его дочери.

У Бога – Духа Больших Гор была и старшая дочь, Ива-нага-химэ (Дева Долговечности Скал). Как видно из ее имени, она была не очень красива. Но ее отец хотел, чтобы дети Ниниги жили так же вечно, как и скалы. И потому он представил Ниниги обеих дочерей в надежде, что выбор жениха падет на Ива-нага-химэ. Точно так же, как Золушка, а не ее некрасивые сестры дороги детишкам нашей страны, так и Ниниги остался верен своему выбору и даже не взглянул на Ива-нага-химэ.

Такое пренебрежение невероятно разозлило Деву Долговечности Скал. Она, позабыв о скромности, закричала сгоряча:

– Если б ты выбрал меня, ты и твои дети жили бы долго на земле! Но раз ты выбрал мою сестру, ты и дети твои умрут так же быстро, как отцветают цветы на деревьях, так же быстро, как пропадет румянец на щеках моей сестры!

Несмотря на это, Ниниги и Коно-хана-но-сакуя-бимэ какое-то время жили вместе счастливо, но однажды ревность лишила Ниниги спокойствия духа. Причин ревновать у него не было, и Коно-хана-но-сакуя-бимэ сильно обидело такое обращение мужа. Она удалилась в небольшую деревянную хижину и подожгла ее. Из пламени родилось три младенца-мальчика. Нам будут интересны лишь два из них: Ходэри-но-микото (Бог Светящий Огонь) и Хоори-но-микото (Бог Пригибающий Огонь). Хоори-но-микото, как мы узнаем далее, был дедом первого Микадо Японии.

Во дворце Бога – повелителя морей

Ходэри-но-микото был искусным рыбаком, а его младший брат Хоори-но-микото – умелым охотником. Однажды они решили:

– Давай попробуем поменяться своими умениями! Ты будешь охотиться, а я рыбачить.

Так они и сделали, но старший брат, который всегда был удачлив на рыбалке, вернулся домой с охоты без добычи. Поэтому он отдал младшему брату лук и стрелы и попросил вернуть принадлежавший ему рыболовный крючок. Но так случилось, что Хоори-но-микото, ловя рыбу, потерял крючок брата. Благородное предложение подарить брату новый крючок взамен потерянного было презрительно отвергнуто. Он также отказался принять целый поднос с горой крючков. На это предложение старший брат лишь ответил:

– Это не мой старый крючок, хоть этих новых и много, я все равно их не возьму!

Тогда Хоори-но-микото, опечаленный такой непреклонностью брата, спустился к берегу моря и там дал волю своему горю. Добрый старик по имени Сико-цути-но-Одзи (Старец Соленых Морских Вод) спросил:

– О чем ты здесь так горюешь?

Когда Хоори-но-микото поведал ему свою печальную историю, старец сказал:

– Не горюй. Я все устрою.

Верный своим словам, старец тут же сделал корзину, усадил в нее Хоори-но-микото и опустил корзину в море. Погрузившись глубоко в воду, Хоори-но-микото очутился на дне, фантастически заросшем морскими водорослями. Там он выбрался из корзины и в конечном итоге предстал перед Дворцом Морского Бога.

Этот дворец выглядел очень внушительно. Он был обнесен зубчатыми стенами с бойницами и величественными башнями. У ворот бил чистый родник, а над родником росла кассия – коричное дерево. Хоори-но-микото остановился в приятной тени этого дерева. Не долго успел он простоять там, как появилась красивая девушка. Она уже собиралась зачерпнуть воды, когда, подняв глаза, заметила незнакомца и, обеспокоившись, тотчас же исчезла, чтобы рассказать об увиденном матери с отцом.

Морской Бог, услышав новость, «приготовил подушку, сложенную в восемь раз», и пригласил незнакомца во дворец, спросив своего гостя, чем они обязаны такой чести. Когда Хоори-но-микото рассказал о печальной пропаже крючка старшего брата, Морской Бог призвал всех рыб своего царства «с широкими плавниками и с узкими плавниками». И когда тысячи и тысячи рыб собрались на его зов, Бог Моря спросил у них, знают ли они что-нибудь о пропавшем рыболовном крючке.

– Мы не знаем, – отвечали рыбы. – Только рыба Тай (Красная Дева) не так давно поранила себе рот и потому сегодня не явилась.

Послали за рыбой Тай, и когда открыли ей рот, там и обнаружился потерянный крючок.

Затем Хоори-но-микото взял в жены дочь Морского Бога Тоё-тама-бимэ (Деву Обильных Жемчужин), и они зажили вместе в подводном дворце. Три года все было хорошо, но через некоторое время Хоори-но-микото очень сильно захотел повидать свою родную землю. Возможно, он не забыл, что так и не вернул крючок своему старшему брату. Такие вполне естественные чувства тронули сердце любящей Тоё-тама-бимэ, и она пошла к отцу и поведала ему о своей печали. Но Морской Бог, который всегда был вежлив и обходителен, никоим образом не осудил поведения своего зятя. Наоборот, он отдал ему рыболовный крючок и сказал:

– Когда ты будешь возвращать этот крючок своему брату, прежде чем отдать его, шепни крючку тихонько: «Бедный крючок!»

Морской Бог также одарил Хоори-но-микото Драгоценным Камнем Прилива и Драгоценным Камнем Отлива, сказав при этом:

– Если ты бросишь в воду первый Драгоценный Камень Прилива, то внезапно наступит прилив и захлестнет твоего старшего брата. Но если твой брат раскается и станет просить прощения, брось в воду второй Камень, сразу наступит отлив, и так ты спасешь своего старшего брата. Если ты так напугаешь его, твой старший брат добровольно подчинится тебе.

Как раз перед тем, как Хоори-но-микото отправиться в путь, к нему пришла жена и сообщила, что вскоре подарит ему ребенка. На прощание она сказала:

– В один прекрасный день, когда ветры и волны взволнуются, я обязательно выйду на берег. Построй для меня дом и жди меня там.

Примирение Ходэри-но-микото и Хоори-но-микото

Когда Хоори-но-микото добрался, наконец, домой, он нашел там своего старшего брата, который очень сожалел о случившемся и сразу же принес брату свои извинения, которые были с готовностью приняты.

Тоё-тама-бимэ и ее младшая сестра храбро преодолели ветры и волны и вышли на берег. Там Хоори-но-микото построил хижину, крытую перьями баклана, и в ней Тоё-тама-бимэ в должное родила ему сына. Подарив своему мужу наследника, Тоё-тама-бимэ обернулась драконом и нырнула обратно в море. Сын Хоори-но-микото, когда вырос, женился на своей тетке и стал отцом четырех детей, один из которых был Каму-ямато-иварэ-бико-но микото (Юноша – Бог Иварэ из Божественного Ямато). Он, как говорят, стал первым императором Японии и ныне известен как Дзимму-тэнно.

Глава 2 ГЕРОИ И ВОИНЫ

Ёримаса

Однажды, давным-давно, некий император серьезно заболел. Он не мог спать по ночам из-за ужасного и необъяснимого шума, исходящего с крыши дворца, называемого Пурпурным Залом Северной Звезды. Несколько придворных решили устроить засаду странному ночному гостю, виновнику этого шума. С наступлением заката они заметили какую-то темную тучу на горизонте, ползущую с запада и опускающуюся на крышу императорского дворца. Сидевшие в засаде в императорской опочивальне услышали необычные скребущие звуки, как будто то, что вначале было тучей, вдруг превратилось в зверя с огромными и мощными челюстями.

Ночь за ночью прилетал этот ужасный гость, и ночь за ночью императору становилось все хуже и хуже. В конце концов, он почувствовал себя так плохо, что его окружению стало ясно, что нужно что-то делать, чтобы уничтожить чудовище, иначе император определенно умрет.

Наконец, было решено, что Ёримаса – единственный в империи доблестный воин, который достаточно храбр, чтобы избавить его величество от этого ужасного наваждения. Ёримаса соответственно хорошенько подготовился к битве. Он взял свой лучший лук и стрелы со стальными наконечниками, облачился в доспехи, поверх которых надел охотничье платье и церемониальную шапку вместо обычного шлема.

На закате он укрылся в засаде вне дворцовых пределов. Пока он поджидал, загредел гром, в небе засверкали молнии, а ветер выл, словно стая диких демонов. Но Ёримаса был храбрецом, и ярость стихий несколько его не страшила.

Когда наступила полночь, он увидел черную тучу, стремительно мчащуюся по небу и спускающуюся прямо на крышу дворца. Туча замерла в северо-восточном углу. На небе снова засверкала молния, и Ёримаса увидел мерцающие глаза огромного животного. Безошибочно зная местонахождение этого странного чудовища, воин стал натягивать свой лук до тех пор, пока он не стал таким круглым, что напоминал полную луну. В следующий момент стрела со стальным наконечником попала в цель. Раздался ужасный яростный рев, а потом – глухой удар, когда чудовище скатилось с крыши дворца на землю.

Ёримаса со своим вассалом подбежали и убили ужасное существо, очутившееся перед ними. Это зловредное ночное чудовище было размером с лошадь, имело голову обезьяны, туловище и когти тигра, хвост змеи, крылья птицы и чешую, как у дракона.

Неудивительно, что император приказал содрать с этого зверя шкуру и хранить ее вечно как диковинку в императорской сокровищнице. С того самого момента, как чудовище лишилось жизни, здоровье императора сразу улучшилось, а Ёримаса был награжден за свою службу мечом, носящим название «Сиси-О», что значит «Царь Львов». Он был также допущен ко двору и в конце концов женился на придворной даме по имени Аямэ, самой красивой из придворных дам императорского двора.

Ёсицунэ и Бэнкэй

Мы можем сравнить Ёсицунэ с Черным Принцем или Генрихом V, а Бэнкэй – с Маленьким Джоном, Уиллом Скарлетом и Фриаром Туком, вместе взятыми.

Ёсицунэ (Минамото Ёсицунэ), наверное, был бы самым выдающимся героем легенд, если бы он не имел преданного оруженосца по имени Бэнкэй, который также фигурирует во многих историях и легендах. А раз так, то мы должны признать, что Бэнкэй был гораздо более примечательной личностью. Он превосходил своих товарищей не только ростом, но и безрассудной храбростью, смекалкой, выносливостью и удивительной добротой. Это был человек, который без труда мог сразить сотню врагов и с той же спокойной уверенностью разьяснять буддийские писания.

Бэнкэй мог рыдать, когда Ёсицунэ из стратегических соображений считал необходимым жестоко побить его, но в то же время с бесконечной добротой и терпением помогал принимать младенца при родах у жены своего господина. Была и еще одна удивительная черта в многогранном характере Бэнкэя – его любовь к шуткам и розыгрышам. Пример тому всем известный случай с колоколом, еще один – это пышный пир, устроенный за счет некоторых священников, – всегда, когда было место для шутки, Бэнкэй не отказывал себе в удовольствии посмеяться от души. Однажды по случаю Бэнкэй заметил: «Если судьба уготовила моему господину несчастье, то есть я, чтобы оно выпало на меня».

И это, конечно, верно. Бэнкэю всегда доставалась самая грязная работа, и когда господин просил его сделать что-либо, тот лишь жаловался, что задание бывало не достаточно трудным, хотя на самом деле оно зачастую оказывалось столь опасным, что могло напугать дюжину менее одаренных героев.

Нам известно, что Бэнкэй родился с длинными волосами, со всеми зубами и, более того, он с рождения умел бегать быстро, как ветер. Обыкновенный скромный японский дом был слишком мал для Бэнкэя. Когда он ударял по наковальне Дзинсаку, то этот полезный предмет обихода всегда уходил глубоко в землю, а на растопку вместо вязанки дров он обычно приносил огромную сосну.

Когда Бэнкэю исполнилось семнадцать лет, он стал священником в одном буддийском храме, но это не помешало ему завязать увлекательный роман с красивой девушкой по имени Тамамуси. Вскоре мы находим нашего героя, который отказался от своей любви и от ранга священника и целиком посвятил себя волнующим приключениям воина вне закона. Здесь мы должны ненадолго оставить его и поведать историю о Ёсицунэ и о том, как ему посчастливилось познакомиться с Бэнкэем и заслужить его дружбу и службу до конца дней.

Ёсицунэ и Тайра

Отец Ёсицунэ, Минамото Ёситомо, был убит в великом сражении с кланом Тайра. В то время клан Тайра был всемогущ, и его жестокий предводитель, Киёмори, делал все возможное, чтобы уничтожить детей Ёситомо. Но их мать, Токива, сумела сбежать и скрыться, прихватив с собой своих малышей. Однако, в конце концов, она с характерной для японцев стойкостью согласилась стать женой ненавистного Киёмори. Токива поступила так потому, что это был единственный способ спасти жизнь ее детей. Токиве было позволено оставить при себе Ёсицунэ, и она изо дня в день шептала ему:

– Помни своего отца, Минамото Ёситомо! Расти сильным и отомсти за его смерть, ведь он погиб от рук клана Тайра!

Когда Ёсицунэ исполнилось семь лет от роду, его отдали в монастырь, чтобы, повзрослев, он стал монахом. Хотя мальчик прилежно проходил монастырское обучение, он всегда хранил в сердце слова своей храброй матери, пожертвовавший собой ради него. Они волновали Ёсицунэ и побуждали к действию. Он приобрел привычку уходить в долину, где размахивал деревянным мечом и, распевая отрывки боевых песен, бил по камням и скалам, мечтая о том, что в один прекрасный день станет великим воином, восстановит справедливость и отомстит за причиненное его семье зло кланом Тайра.

Однажды ночью мальчик увлекся игрой, началась сильная гроза, и он увидел перед собой громадного великана с длинным красным носом, огромными сверкающими глазами, с когтями, как у птицы, и крыльями из перьев. Храбро и требовательно Ёсицунэ осведомился, кто такой этот великан, и услышал в ответ, что это Предводитель Тэнгу, горных существ, любящих подшутить, которые знали множество фантастических трюков и хитростей.

Ёсицунэ понравился Предводителю Тэнгу, упорство Ёсицунэ вызвало у него восхищение. Предводитель Тэнгу сказал, что явился сюда с намерением обучить его всему, чему нужно, в искусстве владения мечом. Уроки усваивались более чем удовлетворительно, прошло немного времени, и Ёсицунэ мог уже одолеть два десятка маленьких Тэнгу. Это нечеловеческое проворство, как мы увидим дальше, вскоре сослужило Ёсицунэ очень хорошую службу.

Когда Ёсицунэ исполнилось пятнадцать лет, он услышал, что на горе Хийэй живет необузданный бонза (монах) по имени Бэнкэй. Этот бонза с недавних пор стал подстерегать благородных воинов, которые переправлялись по мосту Годзё в Киото. Бэнкэй вознамерился завоевать в поединках тысячу мечей, и хотя он и был разбойником, но обладал такой храбростью, что уже отобрал в незаконных схватках у благородных самураев никак не меньше девяти сотен девяносто девяти мечей. Когда известие о его деяниях достигло ушей Ёсицунэ, тот решил применить науку Предводителя Тэнгу на практике, убить этого Бэнкэя и тем самым положить конец разбою в стране.

Однажды вечером Ёсицунэ отправился в путь, и, чтобы показать умение вести себя и полное безразличие, он по пути играл на флейте, пока не подошел к мосту Годзё. Тут он увидел идущего ему навстречу огромного человека, облаченного в черные доспехи. Это был не кто иной, как Бэнкэй. Когда Бэнкэй увидел юношу, он счел ниже своего достоинства нападать на того, кто показался ему слабым мечтателем, умеющим отлично играть на флейте и, без сомнения, слагающим милые стихи о Луне, что как раз светила в небе, но который ни в коем случае не мог бы быть настоящим воином. Естественно, такое оскорбление разозлило Ёсицунэ, и он неожиданно выбил ногой алебарду из рук Бэнкэя.

Битва Ёсицунэ и Бэнкэя

Бэнкэй издал яростный рык и принялся беспорядочно размахивать своим оружием. Но выучка ловких Тэн-гу помогла Ёсицунэ. Он прыгал из стороны в сторону, вперед и назад, назад и вперед, дразня великана шутками и взрывами звонкого смеха. Оружие Бэнкэя снова и снова описывало круги, но поражало лишь воздух и землю, так и не попадая в противника.

Наконец Бэнкэй стал уставать, и Ёсицунэ снова выбил алебарду из руки гиганта. Пока Бэнкэй пытался дотянуться до выпавшего оружия, Ёсицунэ поставил ему подножку, так что тот опустился на четвереньки, и наш юный герой с победным криком оседлал Бэнкэя. Гигант был невероятно удивлен своим поражением, но, когда узнал, что его победил не кто иной, как сын господина Ёситомо, он не только мужественно признал свое поражение, но попросил позволения быть преданным вассалом молодого победителя.

С этого времени мы встречаем имена Ёсицунэ и Бэнкэя вместе. И во всех легендах о воинах, не важно – в Японии или за ее пределами, никогда не было более доблестного и гармоничного дружественного союза. Мы узнаем, как они одержали многочисленные победы над кланом Тайра, загнав их в конечном итоге в море, где те погибли в битве при Дан-но-Ура.

Мы еще не раз встретим упоминание о битве при Дан-но-Ура в легендах. Ёсицунэ и его преданный оруженосец собрались переправиться по морю из провинции Сэтцу в провинцию Сайкоку. Когда они достигли местечка под названием Дан-но-Ура, начался сильный шторм. Вздвигающиеся волны были полны таинственных, мистических звуков, похожих на далекое эхо битвы или скрежет сталкивающихся кораблей, звон летящих стрел, поступь тысячи

воинов. Шум становился все громче и громче, и из несущихся гребней волн возникли полчища призраков воинов клана Тайра. Их доспехи были искорежены и покрыты кровью, они протягивали свои невидимые руки, пытаясь остановить лодку, в которой плыли Ёсицунэ и Бэнкэй. То было призрачное отражение битвы при Дан-но-Ура, когда клан Тайра потерпел сокрушительное и окончательное поражение. Ёсицунэ, увидев этих воинов, закричал, что будет мстить даже призракам мертвецов из клана Тайра, но Бэнкэй, всегда благоразумный и осмотрительный, упрямил своего господина отложить меч, вытащил четки и прочел несколько буддийских молитв. Мир снизошел на огромное войско призраков, вой стих, и постепенно они погрузились в море, которое теперь успокоилось.

Легенды утверждают, что до сих пор рыбаки время от времени встречают призрачные армии, выходящие из морских глубин, слышат вой и видят воинов, потрясающих своими длинными руками. Они говорят, что крабы с отметинами на спине и есть призраки несчастных воинов клана Тайра. Позже мы расскажем еще одну легенду, повествующую об этих несчастных воинах, которым так и не дает покоя постигшее их поражение.

Демон горы Оэяма

Во времена правления императора Итидзё в Киото ходило много жутких историй о демоне, живущем на горе Оэяма. Этот демон мог принимать множество обликов. Иногда он появлялся в человеческом облике, пробираясь тайком в Киото и оставлял многие дома без любимых сынов и дочерей. Этим юношей и девушек он забирал в свою крепость в горах и, как это ни печально говорить, надсмевшись над ними, вместе с другими демонами устраивал большой пир, где пожирала этих бедных молодых людей. Такая участь не миновала даже неприкосновенный императорский двор, и однажды один влиятельный господин по имени Кимитака потерял свою прекрасную дочь. Она была похищена повелителем демонов Сютэн-Додзи.

Когда печальное известие об этом достигло ушей императора, он созвал совет и спросил, как им уничтожить это отвратительное чудовище. Министры сообщили его величеству, что есть один отважный воин по имени Райко, и посоветовали послать его с несколькими спутниками для выполнения хотя и опасной, но в то же время благородной миссии.

Райко выбрал себе пятерых спутников и рассказал о том, что они должны отправиться в полное приключений путешествие и в конечном итоге сразить повелителя демонов. Он объяснил, что для того, чтобы добиться успеха, действовать нужно хитростью и что было бы неплохо переодеться в ямабуси – странствующих в горах монахов. Доспехи и оружие решено было нести аккуратно, спрятав их в безобидных с виду узелках за спиной. Перед тем как отправиться в путь, двое воинов пошли помолиться в храм Хатимана – Бога Войны, двое – в храм Каннон – Богини Милосердия, а двое – в храм Гонгэн¹⁷.

После того как доблестные воины попросили богов благословить их предприятие, они отправились в путь и в должное время достигли провинции Тамба. Прямо перед собой они увидели гору Оэяма. Демон, определенно, выбрал самую непроходимую гору. Могучие скалы и огромные темные леса преграждали воинам путь во всех направлениях, бездонные пропасти неожиданно открывались у них под ногами.

Как раз в тот момент, когда храбрые воины начали приходить в уныние, перед ними внезапно предстали трое старцев. Поначалу воины отнеслись с подозрением к неожиданно появившимся старцам, но подозрение позднее сменилось дружелюбием и благодарностью. Эти старцы были не кем иными, как теми самыми божествами, которым воины молились до того, как отправиться в путь. Один из старцев подарил Райко бутылку с волшебным сакэ,

---

¹⁷ Гонгэн – воплощение Будды. «Гонгэн-сама» – посмертное имя императора Токугавы Иэясу.

называемым «Симбэн-Кидоку-Сю» («Бодрящий для Людей, но Ядовитый для Злых Духов»), посоветовав, чтобы тот каким-нибудь образом умудрился дать выпить этот напиток Сютэн-Додзи, после чего сакэ парализует демона и он станет легкой жертвой воинов. Как только старцы отдали бутылку с волшебным сакэ и дали ценный совет, от них стало исходить магическое сияние, и они исчезли в облаках.

Райко и его воины, весьма ободренные случившимся, продолжили горный подъем. Выйдя к ручью, они заметили красивую девушку, стиравшую окровавленную одежду в бегущей воде. Она горько плакала, утирая слезы длинным рукавом своего кимоно. Когда Райко спросил, кто она, та отвечала ему, что она принцесса, одна из несчастных узников повелителя демонов.

Когда же она узнала, что не кто иной, как великий Райко, стоит перед ней и что он и его воины пришли убить отвратительное чудовище этой горы, девушка преисполнилась радости и проводила маленький отряд в огромный дворец из черного металла. Стражникам она объяснила, что ее спутники – это бедные ямабуси, ищущие временного убежища. Пройдя длинными коридорами, Райко и его спутники оказались в громадном зале. В одном его конце сидел ужасный Повелитель Демонов. Он был огромного роста, с ярко-красной кожей и белой гривой волос. Когда Райко смиренно поведал ему, кто они такие, Демон, скрывая свое веселье, велел им садиться и присоединиться к пиру, который как раз должен был начаться. Затем он хлопнул в свои красные ладоши, и в тот же миг множество красивых девушек вбежало в зал, неся в изобилии еду и напитки. Райко, увидев этих девушек, понял, что они когда-то счастливо жили в своих домах в Киото.

Когда пир был в самом разгаре, Райко достал бутылку с волшебным сакэ и вежливо предложил Повелителю Демонов попробовать его. Чудовище, ничего не подозревая, без колебаний выпило немного сакэ и нашло его настолько вкусным, что попросило еще чарку. Все демоны тоже попробовали волшебное вино, а пока они пили, Райко и его товарищи танцевали.

Вскоре волшебные свойства магического напитка начали проявляться. Повелитель Демонов стал сонным, а потом и вовсе крепко заснул со своими приятелями-демонами. Тогда Райко вскочил на ноги, вместе с воинами быстро облачился в доспехи и приготовился к битве. И снова перед ними явились три божества и сказали:

– Мы крепко связали руки и ноги Повелителю Демонов, так что тебе нечего бояться. Пока твои воины будут отсекал ему конечности, ты же руби голову. Затем убейте остальных óни¹⁸, и на этом ваша служба будет закончена.

Сказав это, божественные создания исчезли.

Райко повергает Демона

Райко и его воины с обнаженными мечами осторожно приблизились к спящему Повелителю Демонов. Райко, замахнувшись мечом изо всех сил, ударил по шее Демона так, что меч сломался. Как только голова Демона отделилась от тела, она вдруг взлетела в воздух, дым и пламя исторглись из ее ноздрей, опалив храброго Райко.

Он еще раз взмахнул мечом, и на этот раз ужасная голова упала на пол и более не шевелилась. Храбрые воины Райко быстро разделались с остальными демонами.

С радостью вышли они из огромного железного дворца. Пять воинов Райко несли чудовищную голову Повелителя Демонов, и это мрачное зрелище сопровождала толпа счастливых девушек, наконец-то освобожденных из ужасного плена, которым не терпелось вновь пройтись по улицам Киото.

---

¹⁸ Óни – черти или злые духи.

Демон-Паук

Вскоре после случая, описанного в предыдущей легенде, храбрый Райко серьезно заболел и некоторое время был вынужден оставаться в своей комнате. Около полуночи маленький мальчик-слуга всегда приносил ему лекарство. Этого мальчика Райко не знал, но, поскольку он держал в доме множество слуг, поначалу это не вызывало никаких подозрений. Райко, вместо того чтобы поправляться, заболел все сильнее и сильнее, и всегда сразу после того, как он принимал лекарство, принесенное мальчиком-службой, ему становилось хуже. Поэтому Райко начал подозревать, что его болезнь вызвана какими-то сверхъестественными силами.

Наконец Райко спросил своего главного прислужника, знает ли тот что-либо о мальчике, что приходит к нему в полночь. Но ни этот прислужник, ни кто-либо другой ничего о нем не знали. К тому времени Райко преисполнился подозрениями и принял твердое решение выяснить, в чем дело.

Когда в полночь мальчик-слуга снова пришел к нему, Райко, вместо того, чтобы принять лекарство, швырнул чашку ему в голову и выхватил меч, собираясь убить его. В комнате раздался резкий крик боли, и, когда мальчик выбежал из комнаты, он бросил в Райко что-то непонятное. Это оказалась огромная толстая липкая паутина, так прочно опутавшая Райко, что тот едва мог пошевелиться. Не успел Райко рассечь паутину мечом, его тут же оплела следующая. Тогда Райко позвал на помощь, и главный прислужник, встретив злодея в одном из коридоров, преградил ему путь своим мечом. Но Демон и на него набросил паутину. Когда прислужник сумел, наконец, освободиться и прибежал в комнату своего хозяина, то увидел, что тот тоже стал жертвой Демона-Паука.

В конце концов, Демона-Паука нашли в пещере воющим от боли. Из раны на голове, нанесенной мечом, ручьем лила кровь. Демона тут же убили, и с его смертью исчезла злоеющая причина тяжелой болезни Райко. С этого часа к герою возвратились здоровье и силы, а в ознаменование такого счастливого события был дан роскошный пир.

Другая версия

Существует еще одна версия этой легенды, записанная Кэнко Хоси, которая так сильно отличается в подробностях от той, что мы только что рассказали, что ее можно считать совершенно отдельной легендой. Опустить эту версию значило бы лишиться легенду ее самого зловещего аспекта, который до сих пор был недоступен рядовому читателю. Эта версия появилась в «Каталоге японской и китайской живописи», составленном доктором Уильямом Андерсоном для Британского музея.

Так случилось, что Райко покинул Киото вместе с Цуна, самым преданным из своих вассалов. Когда они пересекали равнину Рэндай, то увидели, что в воздух поднялся череп и летел перед ними, словно подгоняемый ветром, до тех пор, пока, наконец, не исчез в местечке, называемом Кагура-га-Ока (что буквально означает «Восхваление танцев Кагура»).

Райко и его вассал только тогда заметили исчезновение черепа, когда оказались перед большой разрушенной усадьбой. Райко вошел в полуразвалившийся дом и увидел старуху весьма странной внешности.

«Она была одета во все белое, ее волосы были также белыми. Женщина открыла глаза с помощью небольшой палочки, и верхние веки упали назад, покрыв ей голову, словно шляпа; потом она воспользовалась прутом, чтобы открыть рот, а груди упали ей на колени».

Вот как она обратилась к изумленному Райко:

– Мне двести девяносто лет. Я служила девяти хозяевам, и дом, в котором вы сейчас находитесь, является логовом демонов.

Выслушав эти слова, Райко прошел на кухню и, взглянув из окна на небо, понял, что надвигается сильная гроза. Пока он стоял, разглядывая, как собираются темные тучи, то услышал призрачные шаги, вслед за этим в комнате появилась большая компания демонов. Эти сверхъестественные существа, с которыми встретился Райко, были не единственными в помещении, поскольку он заметил женщину, одетую монахиней. Ее маленькое тело было обнажено до талии, лицо – длиной два фута, а руки белые, как снег, и тонкие, как нити. Это наводящее ужас создание засмеялось и неожиданно исчезло, словно туман.

Райко услышал призывный крик петуха и решил, что призрачные гости его больше не побеспокоят; но тут снова услышал чью-то поступь и на этот раз увидел не отвратительную каргу, а прелестную женщину, которая была изящней, чем ветви ивы, когда они колышутся на ветру. Пока Райко с открытым ртом смотрел на эту прелестницу, то на какое-то время лишился зрения от ее ослепительной красоты. Не оправившись как следует от этого зрелища, он обнаружил, что опутан бесконечной паутиной. Он ударил красавицу мечом, и она исчезла. Тут оказалось, что Райко прорубил деревянный пол и расколот камень фундамента под ним.

К тому моменту к своему господину присоединился Цуна, и они обнаружили, что меч Райко покрыт белой кровью, а острие отломилось в стычке.

После долгих поисков Райко и его вассал нашли нору, в которой сидело многоногое чудовище с огромной головой, покрытой пушистой шерстью. Огромные глаза чудовища светились, как солнце и луна, и оно простонало:

– Я страдаю, и мне больно!

Когда Райко и Цуна подобрались поближе, они узнали отломанное острие меча, вонзившееся в чудовище. Герои вытащили чудовище из логова и отрубили ему голову. Из глубокой раны в животе хлынул поток из тысячи и девятисот девяноста девяти черепов, а вдобавок великое множество пауков размером с ребенка. Райко и его верный оруженосец поняли, что перед ними не кто иной, как горный Демон-Паук. Когда они разрезали тушу Демона, то обнаружили среди внутренностей останки многочисленных человеческих тел.

Приключения принца Ямато Такэру

Правитель Кэйко повелел своему младшему сыну, принцу Ямато, отправляться в путь и уничтожить шайку разбойников. Перед тем как пуститься в путь, принц помолился в храмах Исэ и смиренно попросил Ама-тэрасу, Богиню Солнца, благословить его предприятие. Тетка принца Ямато была высокой жрицей в одном из храмов Исэ, и он рассказал ей о миссии, которую доверил ему отец. Эта достойная дама с удовольствием выслушала новость и подарила своему племяннику богатое шелковое платье, сказав, что оно принесет ему удачу и, возможно, сослужит хорошую службу в будущем.

Принц Ямато вернулся во дворец и попрощался с отцом. Он покинул двор в сопровождении своей жены принцессы Ототатибана и нескольких верных соратников и отправился на южный остров Кюсю, который наводнили разбойники. Местность оказалась настолько суровой и непроходимой, что принц Ямато понял, что должен придумать хитрый план, чтобы застать своих врагов врасплох.

Придя к такому заключению, он приказал принцессе Ототатибана принести ему богатое шелковое платье, которое подарила ему тетка. Принц облачился в него, естественно, не без помощи жены. Он распустил волосы, воткнул в них гребень и украсил себя драгоценностями. Когда же он посмотрел на себя в зеркало, то увидел, что маскарад удался – он превратился в довольно симпатичную девушку.

Богато разодетый, принц вошел в палатку врагов, где сидели два разбойника, Кумасо и Такэру. Случилось так, что они как раз обсуждали сына правителя и его стремление уничтожить их банду. Случайно подняв глаза, разбойники увидели направляющуюся к ним юную красавицу.

Кумасо пришел в такой восторг, что знаком поманил переодетого принца к себе и приказал как можно скорее подать им вина. Ямато был только рад этому. Изображая женскую застенчивость, он ходил мелкими шажками и не поднимал глаз, как и подобает застенчивой и робкой девушке. Кумасо выпил вина больше, чем достаточно. Но продолжал пить лишь для того, чтобы наслаждаться видом этого прелестного создания, которое так щедро подливало вино ему в чашу.

Когда Кумасо опьянел, принц Ямато отбросил винный кувшин, выхватил кинжал и заколол Кумасо.

Такэру, увидев, что случилось с братом, попытался спастись, но принц Ямато бросился на него. Снова блеснул кинжал, и Такэру рухнул на землю.

– Остановись на секунду, – задыхаясь, проговорил умирающий разбойник. – Я был бы рад узнать, кто ты и откуда пришел. До сих пор я считал себя и брата самыми сильными людьми в этих землях, но, видно, ошибался.

– Я – Ямато, – отвечал принц, – сын правителя, который послал меня убить мятежников вроде тебя!

– Позволь мне дать тебе новое имя, – сказал разбойник вежливо. – С этих пор тебя будут звать Ямато Такэру, так как ты – храбрейший из людей этой земли.

Сказав это, Такэру упал замертво.

Деревянный меч

Когда принц возвращался в столицу, он повстречал еще одного грабителя, по имени Идзумо Такэру. Решив снова воспользоваться хитростью, Ямато постарался подружиться с этим парнем. Он вырезал из дерева меч и вложил его в ножны вместо своего стального оружия и стал носить его тогда, когда рассчитывал встретить Такэру.

Однажды случилось так, что принц Ямато пригласил Такэру поплавать с ним в реке Хинокава. Пока разбойник плыл вниз по течению, принц незаметно выбрался на берег и, подойдя к одежде Такэру, лежащей на берегу, поменял мечи местами, вложив свой деревянный меч в ножны вместо острого стального меча Такэру.

Когда же Такэру вылез из воды и оделся, принц попросил его показать ему искусство владения мечом.

– Мы выясним, – сказал он, – кто из нас лучше умеет обращаться с оружием.

Такэру охотно взялся за меч и попытался вынуть его из ножен. Меч крепко застрял, но так как был деревянным, в любом случае был бесполезен. Пока разбойник сражался с непокорным мечом, Ямато отрубил Такэру голову. И снова хитрость сослужила ему хорошую службу. Когда принц вернулся во дворец, в его честь был задан пир, а он получил немало дорогих подарков от отца.

Меч Коси-Трава

Принц Ямато недолго наслаждался безмятежной жизнью во дворце, так как его отец приказал ему вновь отправляться в путь и подавить восстание айну в восточных провинциях.

Когда принц был уже готов пуститься в путь, отец дал ему сделанное из священного дерева копье, называемое Копьем Восьми-Локтей-в-Длину. С этим ценным даром принц Ямато вновь посетил храмы Исэ. Его тетка, высокая жрица, опять с радостью встретила его.

Она с интересом выслушала рассказ племянника и была особенно довольна, когда узнала, что платье, которое она подарила ему, сослужило хорошую службу в приключениях принца.

Выслушав его рассказ, она удалилась в храм и вынесла оттуда меч и мешочек с кремнем. Все это она вручила Ямато как прощальный подарок.

Это был не просто меч, а меч Муракумо – Муракумо-но-Цуруги (Небесный Меч из Кучащихся Облаков), принадлежащий к регалиям императорского дома Японии. Принц не мог получить более ценного подарка. Этот меч, как мы помним, когда-то принадлежал Богам и был найден Суса-но-О.

После долгого пути принц Ямато и его люди оказались в провинции Суруга. Правитель радушно встретил их и, чтобы развлечь, устроил охоту на оленей. Наш герой, не подозревая, что все это обман, присоединился к охоте без малейших опасений.

Принца доставили на огромную дикую равнину, поросшую высокой травой. Увлечшись охотой на оленя, Ямато вдруг почувствовал жар огня. В тот же миг он увидел языки пламени и клубы дыма, поднимающиеся со всех сторон. Принц был окружен пожаром, спастись от которого невозможно. Слишком поздно доверчивый воин понял, что попал в ловушку, причем в очень горячую ловушку!

Наш герой открыл мешочек, который дала ему тетка, и с помощью кремня поджег траву вокруг себя. Мечом Муракумо он срезал высокие стебли травы со всех сторон так быстро, как только мог. Сразу же сменился ветер и погнал пламя прочь от Ямато. Так принц счастливо спасся и не получил ожогов.

С тех пор и пошло, что меч Муракумо стали называть Мечом Коси-Трава.

Самопожертвование принцессы Ототатибаны

Во всех приключениях принца всегда сопровождала его преданная жена, принцесса Ототатибана. Как ни печально, но наш герой, такой достойный в сражениях, в любви был не столь достоин уважения. Ямато смотрел на жену свысока и мучил ее своим равнодушием. Она, бедняжка, стараясь услужить своему господину во всем, лишилась былой красоты. Кожа ее была обожжена солнцем, а одежды испачканы и залатаны. Но она никогда не жаловалась и, хотя лицо ее стало печальным, терпеливо старалась сохранить свои обычные приятные манеры.

Тут случилось так, что принц Ямато встретил обворожительную принцессу Миядзу. Ее наряды были очаровательны, а кожа нежна, как цветок вишни. Прошло немного времени, и он потерял голову от любви к ней. Когда настало время расставаться, он поклялся, что вернется и возьмет прекрасную принцессу Миядзу в жены. Едва он дал это обещание, как увидел стоящую рядом Ототатибану с глубоко опечаленным лицом. Но сердце принца Ямато ожесточилось, и он ускакал с твердым намерением в душе сдержать свое слово. Когда принц Ямато, его жена и люди достигли побережья Идзу, его спутники решили достать несколько лодок, чтобы на них пересечь пролив Кадзуса. Принц же воскликнул надменно:

– Да это всего лишь ручей! Зачем нам столько лодок? Я запросто могу его перепрыгнуть!

Когда же они все уселись в лодки и отправились в путь, поднялся сильный шторм. Волны превратились в водяные горы, ветер пронзительно выл, в темных тучах вспыхивали молнии и гремел гром. Казалось, что лодка, на которой плыли принц и его жена, должна была утонуть, ведь буря эта была делом рук Рюдзина, морского владыки, которого разгневали гордые и глупые слова принца Ямато.

Когда команда спустила паруса в надежде выровнять судно, шторм разыгрался еще сильнее. В конце концов Ототатибана поднялась и, простив мужу все то зло, что он ей причинил, решила пожертвовать своей жизнью, чтобы спасти своего горячо любимого мужа.

Так сказала преданная Ототатибана:

– О, Рюдзин! Принц, муж мой, рассердил тебя своей похвальбой. Я, Ототатибана, отдаю тебе свою бедную жизнь вместо жизни Ямато Такэру. Я бросаюсь в пучину твоего великого царства, а ты взамен позволь моему господину добраться невредимым до берега.

Произнеся эти слова, Ототатибана прыгнула в бурлящие волны, а те моментально унесли тело храброй женщины. Как только была принесена такая жертва, шторм стал стихать, и на безоблачном небе вновь засияло солнце.

Ямато Такэру благополучно добрался до берега и успешно подавил восстание айну.

Наш герой сильно раскаивался в том, как он обращался со своей верной женой. Слишком поздно он оценил ее добродетель, но, к чести его, следует заметить, что он сохранил память о своей жене и был верен ей до самой смерти, навсегда позабыв о принцессе Миядзу.

Победа над Змеем

Теперь, выполнив приказы отца, Ямато Такэру ехал через провинцию Овари в провинцию Оми.

Провинция Оми была встревожена великой бедой. Множество людей находились в трауре, другие лили слезы и рыдали от горя. Принц, расспросив людей, узнал, что огромный Змей повадился каждый день спускаться с горы в деревни, поедая несчастных жителей на обед.

Принц Ямато сразу же стал подниматься на гору Ибаки, где, как говорили, обитал огромный Змей. На полпути к вершине он встретил это жуткое чудовище. Принц был так силен, что убил его голыми руками. Как только он это сделал, темнота внезапно покрыла землю, и пошел проливной дождь. Вскоре, однако, погода улучшилась, и наш герой смог спуститься с горы.

Когда он добрался домой, то обнаружил, что его ноги горят, и, более того, почувствовал, что тяжело заболел. Принц понял, что Змей ужалил его, и, так как он слишком ослаб, чтобы двигаться, его отнесли к знаменитому минеральному источнику.

Здесь к нему вернулись, наконец, прежнее здоровье и сила, и он возблагодарил за помощь Ама-тэрасу, Богиню Солнца.

Приключения Момотаро

Однажды одна старуха стояла у ручья и стирала свою одежду. Она вдруг увидела огромный персик, плывущий по воде. Это был самый большой персик из тех, которые старуха когда-либо видела за свою жизнь, а так как она и ее муж были очень бедны, женщина немедленно подумала, что этот необычный персик был бы отличным блюдом им на ужин. Поскольку она никак не смогла найти подходящей палки, чтобы вытащить плод на берег, ей неожиданно на память пришли следующие стихи:

Далекie воды – горьки,
Близкие воды – сладки,
Уходи – по далеким водам,
Приходи – по сладким.

Эта маленькая песенка произвела желаемый эффект. Персик подплывал все ближе и ближе, пока не остановился у ног старухи. Она наклонилась и достала его из воды. Женщина так обрадовалась своей находке, что больше не стала стирать, а заторопилась попасть домой как можно скорее.

Вечером, когда вернулся ее муж со связкой травы за спиной, старуха с гордостью достала персик из стенового шкафа и показала его старику.

Тот, голодный и уставший, очень обрадовался появлению такого изысканного блюда. Старик быстро сходил за ножом и уже собирался разрезать фрукт, когда тот внезапно раскрылся сам собой и из него с веселым смехом выбрался самый милый ребенок, которого можно только себе представить.

– Не бойтесь, – сказал малыш. – Боги узнали, как сильно вы хотите ребенка, и послали меня, чтобы я стал утешением и опорой вашей старости.

Старики преисполнились такой радостью, что с трудом понимали, что им делать. Каждый по очереди нянчил ребенка, заботился о нем и шептал ему ласковые и нежные слова. Они назвали его Момотаро, или Сын Персика.

Когда Момотаро исполнилось пятнадцать, парень был гораздо выше и сильнее своих сверстников. Кровь великих героев бурлила в его венах, а дух воина толкал на борьбу с несправедливостью.

Однажды Момотаро пришел к своему приемному отцу и спросил, не отпустит ли он его в далекое путешествие на один остров в Северо-Восточном море, где обитали демоны, захватившие невинных людей, многих из которых съели. Их злобность невозможно было описать, и Момотаро решил убить их, спасти несчастных узников и привезти с этого острова все награбленное добро, чтобы отдать своим приемным родителям.

Старик совсем не удивился, услышав такой отважный план, так как знал, что Момотаро был необычным ребенком. Он был послан с Неба, и старик верил, что ни один демон в мире не может повредить ему. Так что вскоре отец дал свое согласие сыну, сказав:

– Иди, Момотаро, срази демонов и верни мир на нашу землю.

Старуха дала на прощание Момотаро несколько рисовых пирожков, юноша попрощался со своими приемными родителями и отправился в путь.

Победа Момотаро

Момотаро отдыхал в тени живой изгороди и ел один из рисовых пирожков, которые дала ему приемная мать. К нему подбежал огромный пес, зарычал и оскалил клыки. И более того, пес умел говорить и угрожающе потребовал, чтобы Момотаро отдал ему пирожок.

– Или отдашь мне пирожок, – сказал он, – или я тебя загрызу!

Однако, услышав, что перед ним стоит не кто иной, как знаменитый Момотаро, пес поджал хвост, склонил голову к земле и униженно попросил, чтобы Сын Персика позволил последовать за собой и преданно служить ему.

Момотаро с радостью принял это предложение и, бросив псу половинку пирожка, отправился в путь вместе с ним.

Не успели они далеко уйти, как встретили обезьяну, которая тоже попросила взять ее в услужение к Момотаро. Момотаро взял и ее, но понадобилось какое-то время, чтобы обезьяна и пес перестали грызться между собой и подружиться.

Продолжая свое путешествие, они повстречали фазана. Тут врожденная подозрительность пса снова дала себя знать, и он бросился вперед и попытался убить ярко оперенную птицу. Момотаро разнял дерущихся, и в конце концов фазан тоже присоединился к их маленькому отряду и гордо вышагивал позади всех.

Наконец Момотаро и его спутники достигли берега Северо-Восточного моря. Здесь наш герой нашел лодку, и, преодолев сопротивление и страх пса, обезьяны и фазана, они все вместе уселись в нее, и вскоре маленькое суденышко уже качалось на синих морских волнах.

Проведя несколько дней в открытом море, они заметили остров. Момотаро приказал фазану лететь вперед в качестве крылатого вестника его прибытия и предложить демонам сдаться.

Фазан полетел над морем, приземлился на крышу огромного замка и прокричал это нелицеприятное послание, добавив, что демоны в знак покорности должны сломать свои рога.

Демоны в ответ только рассмеялись, потрясая рогами и лохматыми красными волосами. Тогда они принесли кованые из железа копья и стали их метать, целясь прямо в птицу. Фазан ловко уклонялся от летающих копий и летал над головами многочисленных демонов.

Тем временем Момотаро с двумя спутниками высадился на берег. Не успел он ступить на землю, как увидел двух красивых девушек, плачущих у ручья и выжимающих пропитавшиеся кровью одежды.

– О! – воскликнули они жалобно. – Все мы дочери даймё, а теперь – пленницы Предводителя Демонов на этом ужасном острове. Скоро он нас убьет. И увь! Никто не придет к нам на помощь!

Сказав это, девушки снова заплакали.

– Госпожи, – сказал Момотаро, – я пришел сюда, чтобы убить ваших злобных врагов. Покажите мне путь в тот замок.

Итак, Момотаро, пес и обезьяна через маленькую дверцу проникли в замок. Попав внутрь укрепления, они стали усердно сражаться. Многие демоны так напугались, что попадали со стен и разбились на мелкие кусочки, остальных же Момотаро и его товарищи быстро поубивали. Все демоны были уничтожены, кроме самого предводителя, который мудро решил сдаться и умолял, чтобы ему сохранили жизнь.

– Нет, – жестко сказал Момотаро, – я не оставлю тебе твою злобную жизнь. Ты замучил многих ни в чем не повинных людей и грабил страну слишком много лет.

Сказав эти слова, он оставил Демона под присмотром обезьяны, а сам прошел по всем комнатам замка, освобождая бесчисленных пленников, которых там нашел. Там же он собрал немалые сокровища.

Обратное путешествие было действительно очень радостным. Пес и фазан тащили сокровища, а Момотаро вел Предводителя Демонов. Момотаро помог вернуться домой дочерям даймё, а также многим другим людям, которых держали в плену на этом острове. Вся страна радовалась его победе, но никто так не радовался, как приемные родители Момотаро, которые доживали свои дни в мире и достатке благодаря огромным сокровищам демонов, которые Момотаро отдал им.

Господин Сумка с Рисом

Однажды великий Хидэсато пришел к мосту, что перекинут через красивое озеро Бива. Он уже собрался перейти озеро, когда заметил огромного Дракона, который крепко спал прямо у него на пути. Хидэсато, не мешкая ни секунды, перелез через чудовище и отправился дальше.

Не успел он далеко отойти, как услышал, что кто-то окликает его. Хидэсато оглянулся и на месте Дракона увидел церемонно кланяющегося ему человека. Выглядел он довольно странно, а на его красных волосах лежала корона в форме Дракона.

– Я – Дракон – Повелитель озера Бива, – объяснил красноволосый человек. – Минуту назад я принял облик ужасного чудовища, надеясь найти воина, что не испугается меня. Вы,

мой господин, не выказали страха, и я очень возрадовался этому. Огромная Многоножка спускается вон с той горы, проникает ко мне во дворец и уничтожает моих детей и внуков. Один за другим они становятся пищей этого жуткого чудовища. И я боюсь, что скоро, если ничего не предпринять, я сам стану жертвой Многоножки. Я долго ждал храброго воина. До сих пор все воины, что видели меня в обличье Дракона, сразу убежали. Вы храбрый человек, и я прошу вас убить моего злейшего врага.

Хидэсато, всегда охотно ищущий приключений, особенно если они были рискованными, сразу согласился помочь Дракону. Когда Хидэсато добрался до дворца Дракона, то увидел, что тот поистине великолепен и едва уступает по красоте дворцу Бога Моря. Героя угощали цветками и листьями лотоса, он ел деликатесы, разложенные перед ним, изящными эбонитовыми палочками. Пока он пировал, десять золотых рыбок танцевали для него, а прямо позади них десять карпов играли чудесную музыку на кото и сямисэне. И только Хидэсато подумал о том, как хорошо его здесь развлекают и каким хорошим вином угощают, вдруг все услышали жуткий звук, как будто дюжина раскатов грома звучала одновременно.

Хидэсато и Дракон-Повелитель поспешно поднялись и выбежали на террасу. Они увидели, что гора Миками стала практически неузнаваемой – с вершины до подножия она была покрыта огромными кольцами гигантской Многоножки. На ее голове пылали два огненных шара, а сотни ног были подобны спиралевидной цепочке из сотен колышущихся огней.

Хидэсато наложил стрелу на тетиву своего лука и натянул ее изо всех сил. Стрела пронзила ночь и попала Многоножке точно в середину головы, но отскочила, не причинив видимого вреда. И вновь Хидэсато послал стрелу, и вновь та, ударив чудовище, бессильно отскочила и упала на землю. У Хидэсато осталась лишь одна стрела. Внезапно вспомнив о магическом свойстве человеческой слюны, он на секунду сунул наконечник стрелы себе в рот и затем, положив стрелу на тетиву, тщательно прицелился.

Последняя стрела точно поразила цель и пронзила мозг чудовища. Многоножка перестала двигаться, свет ее глаз и ног постепенно потух, и озеро Бива вместе с дворцом погрузилось в абсолютный мрак. Прогредел гром, сверкнула молния, и на мгновение показалось, что дворец Дракона обрушился.

На следующий день, однако, шторм утих. Небо очистилось, солнце светило также ярко, как и раньше. В мерцающем голубом озере покоилось тело огромной Многоножки.

Дракон и его приближенные очень обрадовались, когда узнали, что их ужасный враг повержен. В честь Хидэсато опять устроили пир, еще более богатый, чем прежний. Когда он, наконец, покинул дворец, его сопровождала процессия из рыб, внезапно превратившихся в людей. Дракон-Повелитель одарил нашего героя пятью ценными подарками – двумя колоколами, сумкой с рисом, свертком шелка и горшком для варки пищи.

Дракон-Повелитель проводил Хидэсато до моста, где с неохотой отпустил его, и процессия, несущая дары, отправилась дальше. Когда Хидэсато добрался до дома, слуги Дракона-Повелителя положили дары и в ту же секунду исчезли.

Подарки были не простыми дарами. Сумка с рисом оказалась неистощимой, не было конца шелку из свертка, а горшок для варки пищи мог варить ее без огня. Лишь колокола были обычными, без всякого волшебства, и их подарили ближайшему храму. Хидэсато стал богатым, и слава о нем разошлась далеко. Люди больше не звали его Хидэсато. С тех пор его именем стало Тавара Тода – Господин Сумка с Рисом.

Глава 3 РУБЩИК БАМБУКА И ЛУННАЯ ДЕВА

Появление Девы Кагуя

Давным-давно жил старый Рубщик Бамбука по имени Сануги-но-Мияко. Однажды, срезая своим топориком молодые побеги бамбука, он неожиданно увидел в глубине бамбуковой чащи дивный свет, а при ближайшем рассмотрении маленькую девочку необычайной красоты. Он осторожно поднял крошечную малышку ростом не больше четырех дюймов и отнес ее домой к жене. Маленькая девочка была такой хрупкой, что ее пришлось держать и растить в корзинке.

После этого случая Рубщик Бамбука продолжал заниматься своим ремеслом, и, будь то хоть днем, хоть ночью, срезая бамбук, он всегда находил в узлах бамбука золото и, забыв про прежнюю бедность, сколотил себе неплохое состояние.

Девочка, пробыв с этими простыми деревенскими людьми три месяца, неожиданно очень быстро выросла и превратилась во взрослую девушку на выданье, и в ознаменование такого приятного, хоть и удивительного события ей сделали взрослую прическу – длинные волосы, которые до сих пор длинными прядями струились у нее по плечам, теперь собрали в пучок. Так как наступила осень, Рубщик Бамбука дал ей имя Наётакэ-но Кагуя-химэ (Лучезарная Дева, Стройная, как Бамбук в Осеннем Поле). По этому случаю устроили большой праздник и пригласили всех соседей.

Сватовство Лучезарной Девы, Стройной, как Бамбук в Осеннем Поле

На свете множество женщин, но стоит, бывало, этим любителям женской красоты прослышать, что такая-то хороша собою, как им уже не терпится на нее посмотреть.

*Повесть о старике Такэтори*¹⁹

Теперь Кагуя-химэ стала самой красивой из всех молодых женщин, и сразу же после праздника слава о ее красоте облетела всю страну. Женихи собирались у ограды ее дома и прогуливались перед крыльцом в надежде хоть мельком увидеть эту прелестную девушку. День и ночь несчастные поклонники ожидали ее, но напрасно. Те, что не могли похвастаться своим происхождением, постепенно стали понимать, что им не на что надеяться. Но пятеро богатых женихов упорствовали в своих намерениях. Ими были принц Иси-цукури и принц Курамоти, Садайдзин Дайнагон²⁰ Абэ-но Иуси, Тюнагон²¹ Отомо-но Миюки, а также правитель Исо Моротада. Пылкие влюбленные терпели «и лед, и снег, и полуденный летний зной с достойной стойкостью». Когда эти господа, в конце концов, обратились к Рубщику Бамбука с просьбой выдать дочь за одного из них, старик вежливо объяснил, что девушка на самом деле ему дочерью не приходится, поэтому она не обязана подчиняться его желаниям в этом деле.

---

¹⁹ Цит. по кн.: Старинные японские повести. СПб.: Северо-Запад, 2003.

²⁰ Садайдзин Дайнагон – старший государственный советник левого министра, второго по рангу министра в Древней Японии – высокое придворное звание.

²¹ Тюнагон – второй из высших чинов в эпоху Хэйан – второй государственный советник.

В конце концов важные господа разъехались по своим усадьбам, однако продолжали надоедать своими просьбами настойчивей, чем прежде. И даже добрый старик Рубщик Бамбука начал уговаривать Кагуя-химэ, говоря, что такой красивой девушке должно выйти замуж, а среди пяти благородных женихов наверняка можно выбрать одного достойного и заключить весьма неплохой союз. На что мудрая Кагуя-химэ отвечала:

– Я не настолько прозорлива, чтобы знать о верности своего избранника, ведь если я выйду замуж за того, чье сердце окажется непостоянным, какая несчастная доля меня ждет! Благородные господа, о которых ты говоришь, не вызывают сомнения, но я не выйду замуж, пока не испытаю и не узнаю сердца своего избранника.

В конце концов было решено, что Кагуя-химэ должна выйти замуж за того жениха, который докажет, что он самый достойный. Эта новость сразу же дала надежду пяти даймё, и с наступлением ночи они собрались у дома, где жила девушка, «с песнями под аккомпанемент флейты, притоптывая и отбивая ритм веерами». Однако поблагодарить высоких гостей за пение вышел лишь Рубщик Бамбука. Когда он снова вернулся в дом, Кагуя-химэ раскрыла свой план испытания женихов:

– В далекой заморской стране Тэндзику²² есть каменная патра²³ для подаяний, которую в свое время носил сам великий Будда. Пусть принц Исицукури отправляется туда в поисках этой чаши и принесет мне ее. А на горе Хорай²⁴, что возвышается в Восточном Океане, растет дерево с корнями из серебра, стволом из золота, а вместо плодов у него – чистый белый нефрит. Пусть принц Курамоти отправляется туда, отломит и принесет мне ветку с того дерева. И опять, в Стране Морокосу²⁵ (в Китае) шьют меховое платье, сотканное из шерсти Огненной Мыши²⁶, которое в огне не горит. Я прошу Дайнагона достать мне такое платье. А Тюнагона я прошу принести мне драгоценный камень, сверкающий пятицветным огнем, что сияет в голове Дракона²⁷; а из рук правителя Исо я охотно приму раковину коя сугай²⁸, какие приносят сюда ласточки, перелетев через широкую равнину океана.

Патра Великого Будды

Принц Исицукури, поразмыслив над заданием отправиться в далекую Тэндзику на поиски патры Святого Будды, пришел к заключению, что подобное предприятие будет тщетным. Поэтому принц решил подделать эту самую чашу. Он все хитро спланировал и позаботился о том, чтобы Кагуя-химэ узнала, что он действительно отправился в путешествие. А на самом деле этот ловкий жених все время скрывался в Ямато, а через три года в горном монастыре в уезде Тоти нашел очень старую чашу, которая стояла на алтаре Биндзуру²⁹.

²² Тэндзиу – Индия.

²³ Патра (*санскр.*) – чаша. Согласно древней индийской легенде, чаша, с которой странствовал легендарный основоположник буддийского учения Будда Гаутама (Шакья Муни), испускала лазоревое сияние.

²⁴ Хорай (*кит.* Пынлай) – сказочная гора-остров, обитель бессмертных. Очень популярный образ в японской литературе.

²⁵ Морокосу (*яп.*) – сорго.

²⁶ Легенда об Огненной Мыши пришла из Китая. Вокруг горного хребта Куньлунь пылают Огненные Горы. В огне живет мышь ростом больше быка, покрытая шелковистой белой шерстью. Выйдет она из огня, обольет себя водой и умрет. Из ее шерсти якобы готовили ткань, которую мыли не в воде, а в пламени.

²⁷ Камень, сверкающий пятицветным огнем – согласно китайской легенде, под нижней челюстью Дракона находится сверкающая жемчужина.

²⁸ Раковины в Японии были средством народной медицины. Коя сугай – раковина, помогающая при родах, это разновидность ципреи, по виду напоминающая птичье яйцо. Женщина во время родов держала эту раковину в руке.

²⁹ Биндзуру – буддийский святой, ученик Будды, покровитель больных. Считается, что если у статуи потереть то место, какое болит у тебя, то болезнь тут же отступит.

Именно эту чашу он и взял с собой, завернул в парчу и приложил к дару искусственную цветущую ветку.

Когда Кагуя-химэ стала рассматривать чашу, она обнаружила в ней свиток со следующими стихами:

Миновал я много
Пустынь, и морей, и скал,
Искал эту чашу святую,
День и ночь с коня не слезал,
Не слеза, кровь ланиты мои орошала.

Пер. В.Н. Марковой

Но когда Кагуя-химэ увидела, что из сосуда не исходит свет, она сразу поняла, что эта чаша никогда не принадлежала Святому Будде. Она тут же отослала чашу назад, послав вместе с ней такие стихи:

Капля одна росы
Ярче сияет утром
Дивной чаши твоей.
Зачем ты ее так долго
Искал на Черной горе?

Пер. В.Н. Марковой

Принц, выбросив чашу, захотел обратить послание в комплимент даме, написавшей его.

В СΙΑНЬЕ БЕЛОЙ ГОРЫ³⁰

Померкла дивная чаша.
Я ли виновен в том?
Испил я чашу позора,
Но не оставил надежды...

Пер. В.Н. Марковой

Это был милый комплимент от жениха, который оказался отъявленным обманщиком. Этот последний ответ в стихах остался без ответа, и опечаленный принц отправился восвояси.

Драгоценная ветка с горы Хорай

Принц Курамоти, так же как и его предшественник, был хитрым и тоже распустил слух о том, что уехал в путешествие в страну Цукуси в поисках драгоценной ветки. А на самом деле нанял шестерых известных в стране мастеров из семейства Утимаро и спрятал их в доме, скрытом от людских взоров, где обосновался сам, чтобы давать мастерам указания, и приказал им сделать ветку в точности такую, как описала Кагуя-химэ.

---

³⁰ Кагуя-химэ поэтически сравнивается с Белой горой (Сираяма), которая находилась в провинции Кага.

Когда драгоценная ветка была закончена, принц отправился с визитом к Деве Кагуя, которая прочла следующие стихи, приложенные к дару:

Пускай бы вдали от всех
Погиб я смертью напрасной
В далекой, чужой стороне,
Но я бы вовек не вернулся
Без этой ветки жемчужной...

Пер. В.Н. Марковой

Кагуя-химэ печально смотрела на сверкающую ветку и равнодушно слушала выдуманную историю о похождениях принца. Он подробно расписывал ужасы моря, странных чудовищ, сильный голод, болезнь – все невзгоды, что выпали ему в океане. Затем этот неисправимый лгун перешел к описанию того, как они достигли высокой горы, выступающей из моря, как встретили там женщину с серебряным сосудом, который она наполняла водой. На горе было много удивительных цветов и деревьев; и ручей «всех цветов радуги – желтый, как золото, белый, как серебро, синий, как драгоценный рури³¹; и через этот ручей были переброшены мосты из подводных самоцветов, а рядом росли деревья, увешанные ослепительно блестящими драгоценными камнями».

– С одного из них я и отломил эту ветку, – продолжал обманщик, – которую осмеливаюсь сейчас преподнести госпоже Кагуя.

Вне всяких сомнений, Кагуя-химэ была бы вынуждена поверить этой искусной истории, если бы в этот момент не появились шесть мастеров, громко требующих плату за изготовленную ими драгоценную ветку, чем и уличили в обмане принца, который поспешно ретировался. Кагуя-химэ, радуясь тому, что ей так легко удалось избавиться от жениха, щедро вознаградила мастеров.

Платье из шерсти Огненной Мыши

Садайдзин Дайнагон Абэ-но Миуси нанял китайского купца по имени Во-кэй, чтобы тот достал ему платье из шерсти Огненной Мыши, которое в огне не горит, и когда корабль купца вернулся из страны Морокоси, он привез платье, которое жизнерадостный Садайдзин Дайнагон счел за столь вожаделанный им наряд. Платье из шерсти Огненной Мыши покоилось в ларце, и Садайдзин Дайнагон, веря в честность купца, описывал его так: «Насыщенного цвета морской волны, кончики ворсинок золотые – настоящее сокровище несравненной красоты, вызывающее восхищение скорее своей совершенностью, чем стойкостью к пламени огня».

Садайдзин Дайнагон, уверенный в успехе своего сватовства, радостно отправился вручать подарок Кагуя-химэ и приложил в дополнение следующие стихотворные строки:

Страшился я, что в огне
Любви моей безграничной
Сгорит этот дивный наряд,
Но вот он, прими его!
Он отблеском пламени блещет...

Пер. В.Н. Марковой

---

³¹ Рури (яп.) – ляпис-лазурь, лазурит.

Садайдзин, наконец, смог преподнести свой подарок Деве Кагуя. Та обратилась к Рубщику Бамбука, который оказывался в нужное время в нужном месте, с такими словами:

– Если этот наряд бросить в огонь и он не сгорит, я буду знать, что это действительно платье из шерсти Огненной Мыши, и больше не смогу отказать ухаживаниям этого господина.

Разожгли огонь, платье бросили в костер, где оно тут же и сгорело. Когда старший государственный советник левого министра увидел это, лицо его позеленело, как трава, и он долго стоял словно громом пораженный. Но Кагуя-химэ, обрадовавшись в душе, вернула ларец с такими стихами:

Ведь знал же ты наперед,
Что в пламени без остатка
Сгорит этот дивный наряд.
Зачем же, скажи, так долго
Питал ты огонь любви?

Пер. В.Н. Марковой

Драгоценный камень на шее Дракона

Тюнагон Отомо-но Миюки собрал своих домашних и слуг и сообщил своим вассалам, что повелевает им принести ему драгоценный камень с головы Дракона.

Поколебавшись некоторое время, слуги сделали вид, что отправляются выполнять его приказ. Тюнагон тем временем был так уверен в успехе этого предприятия, что решил пока украсить свой дом изящными лаковыми миниатюрами, писанными серебром и золотом. Все покои завесили парчой, миниатюрами на досках, а поверх крыши натянули шелка.

Устав от ожидания, Тюнагон немного времени спустя совершил поездку в гавань Нанива и спросил рыбаков, брал ли кто-нибудь из его слуг лодку, чтобы отправиться на поиски Дракона. Узнав, что никто из его людей не появлялся в гавани Нанива, он, очень недовольный этими новостями, сам сел в лодку в сопровождении рулевого.

Так случилось, что Бог Грома в то время был рассержен и на море высоко вздымались волны. Прошло несколько дней, и шторм стал таким сильным, а лодка была так близка к гибели, что рулевой рискнул заметить:

– Вой ветра, вздымающиеся волны и могучие раскаты грома – это все знаки гнева Бога Грома, которого мой господин разозлил, собираясь вытащить из глубин Дракона и убить его, ведь именно из-за Дракона разыгрался этот шторм, и было бы неплохо, если мой господин воздаст молитву.

А поскольку Тюнагон жестоко страдал от морской болезни, нет ничего удивительного в том, что он с готовностью согласился последовать совету своего рулевого. Он воздал никак не меньше тысячи молитв, каясь в своем недомыслии, что захотел уничтожить Дракона, и торжественно поклялся оставить Повелителя глубин в покое.

Шторм утих, и тучи рассеялись, но ветер все еще оставался таким же яростным и сильным, как и прежде. Однако рулевой сказал своему господину, что ветер попутный и дует прямо в сторону их страны.

Наконец они достигли пролива Акаси в провинции Харима. Но Тюнагон, все еще не оправившийся от морской болезни и сильно напуганный, решил, что их прибило к какому-то дикому берегу, улегся на дно лодки, тяжело дышал и отказывался вставать, даже когда губернатор этой провинции самолично пришел засвидетельствовать ему почтение.

Когда же Тюнагон наконец понял, что они пристали вовсе не к дикому берегу, то согласился сойти на землю. Неудивительно, что губернатор улыбнулся при виде «жалкого вида смущенного властителя, продрогшего до костей, с раздутым животом и глазами, тусклыми, как терновые ягоды».

Наконец Тюнагона понесли в паланкине к нему домой. Когда его доставили, хитрые слуги смиренно поведали господину, что они потерпели неудачу в погоне за Драконом. Вот как отвечал им Тюнагон:

– Вы правильно сделали, что вернулись с пустыми руками. Этот Дракон, несомненно, дружен с самим Богом Грома, и кто бы ни задумал убить его и забрать драгоценный камень с его шеи, тот подвергает себя большому риску. Сам я сильно заболел от тягот и лишений, и все зря, не получив за это никакой награды. Госпожа Кагуя похищает души мужчин и разрушает их тела, я больше не стану добиваться ее руки, нога моя больше не ступит на порог ее дома!

В заключение можно сказать, что, когда жены и наложницы услышали о приключениях своего господина, «они смеялись, пока не заболели бока, а шелковую ткань, которой он приказал украсить кровлю своего дворца, растащили вороны, нить за нитью, чтобы выстлать ими свои гнезда».

Царская Охота

Приключения пятого жениха, а именно правителя Исо, мы опускаем. Эта история тривиальна и не представляет особого интереса. Достаточно сказать, что поиски правителем Исо ласточкиной раковинки оказались тщетными.

К тому времени слава о красоте Кагуя-химэ достигла императорского двора и самого Микадо, который, сгорая от желания взглянуть на нее, послал одну из своих придворных дам по имени Фусако посмотреть на дочь Рубщика Бамбука, а затем доложить его высочеству о выдающейся красоте девушки.

Однако, когда Фусако добралась до дома Рубщика Бамбука, Кагуя-химэ отказалась видаться с ней. Поэтому придворная дама вернулась ко двору и сообщила об этом Микадо. Его величество, ничуть не рассердившись, послал за Рубщиком Бамбука и приказал тому привести Кагуя-химэ ко двору, чтобы он смог ее увидеть, и добавил:

– Не исключено, что наградой ее отцу будет шапка чиновника пятого ранга.

Рубщик Бамбука был добрым стариком, и он лишь мягко журил дочь за такое необычное поведение. И хотя ему были по душе милости Микадо и, возможно, он очень хотел получить шапку, свидетельствующую о высоком чине при дворе, нужно отметить, что прежде всего он был верен своему отцовскому долгу.

Вернувшись домой, он обсудил все с Кагуя-химэ, и та ответила старику, что если ее вынудят предстать перед императорским двором, то это неминуемо приведет к ее смерти, добавив:

– Шапка чиновника для моего отца обернется гибелью его ребенка.

Старика очень растрогали эти слова, и он снова пустился в путь ко двору, где смиренно и поведал о решении своей дочери.

Микадо, не привыкший к отказам пусть и необычайно прекрасной женщины, задумал коварный план. Он приказал организовать Царскую Охоту, но устроить все таким образом, чтобы он мог неожиданно появиться около жилища Рубщика Бамбука и, как бы случайно, увидеть девушку, которая смогла бросить вызов желаниям самого императора.

Поэтому в день, назначенный для Царской Охоты, Микадо вошел в дом Рубщика Бамбука. Не успел он это сделать, как в глаза ему ударил удивительный свет, исходящий из комнаты. И в этом свете была не кто иная, как Дева Кагуя.

Его величество подошел и дотронулся до рукава девушки, которым она быстро прикрыла лицо, но не настолько быстро, чтобы Микадо не успел заметить ее красоту. Пришедший в изумление от ее невероятной прелести, не обращая внимания на протесты, он приказал подать паланкин. Но когда его принесли, Кагуя-химэ внезапно исчезла. Император, поняв, что имеет дело не с простой смертной девушкой, воскликнул:

– Все будет так, как ты пожелаешь, дева! Но умоляю, прими свой обычный облик, чтобы еще раз увидеть твою красоту.

И тогда Кагуя-химэ снова приняла свой прекрасный облик.

Когда его величество уже собирался уходить, то сложил следующий стих:

Миг расставанья настал,
Но я в нерешимости медлю...
Ах, чувствую, ноги мои
Воле моей непокорны,
Как и ты, Кагуя-химэ!

Пер. В.Н. Марковой

Кагуя-химэ сложила такой ответ:

Под бедною сельской кровлей,
Поросшей дикой травой,
Прошли мои ранние годы.
Не манит сердце меня
В высокий царский чертог.

Пер. В.Н. Марковой

Небесное платье из птичьих перьев³²

На третий год после Царской Охоты, весной, все заметили, что Кагуя-химэ стала подолгу смотреть на луну. В седьмом месяце, когда луна была полной, печаль Кагуя-химэ стала такой сильной, что ее плач стал внушать беспокойство девушкам, прислуживающим ей. В конце концов, они пришли к Рубщику Бамбука и сказали:

– Долго смотрела Кагуя-химэ на луну, и как прибывала луна, так прибывала ее печаль, и скорбь ее теперь превзошла все границы, она горько плачет и рыдает. Поэтому мы советуем вам поговорить с ней.

Когда Рубщик Бамбука завел беседу со своей дочерью, то попросил ее рассказать ему о причине своей печали. В ответ он услышал, что вид Луны навевает ей мысли о мирских несчастьях.

В месяц восьмой Луны Кагуя-химэ объяснила своим служанкам, что она не обычная смертная, и что она родилась в столице Лунной Страны, и что теперь настает то время, когда ей предопределено покинуть этот мир и вернуться в прежний дом.

Не только у Рубщика Бамбука разрывалось сердце от этой печальной новости, но и Микадо тоже был весьма обеспокоен, когда прослышал о предполагаемом отбытии Девы Кагуя. Императору доложили, что в следующее полнолуние с сияющего лика Луны спустятся вниз несколько лунных жителей, чтобы забрать прекрасную девушку с собой. После

---

³² Платье из птичьих перьев, хагоромо (яп.) – сказочный атрибут небесной феи. Лишь в такой одежде она могла летать по небу.

чего Микадо решил предотвратить вторжение небожителей. Он приказал, чтобы отряд вооруженных воинов, готовых на все, расположился рядом с домом Рубщика Бамбука и при необходимости встретил бы стрелами посланников с Луны, которые так стремятся забрать красавицу Кагуя-химэ.

Старик Рубщик Бамбука, естественно, подумал, что с такой охраной для защиты его дочери нашествие с Луны будет тщетным. Но Кагуя-химэ попыталась разубедить старика, сказав:

– Вы не сможете одержать победу над небожителями, ваше оружие не повредит им, как не устоят против них и ваши оборонительные сооружения, не поможет вам и ваша доблесть, ведь вы не настолько смелы. Когда придут посланники с Луны, бороться с ними будет бесполезно.

Эти слова чрезвычайно разозлили Рубщика Бамбука. Он заявил, что его ногти станут когтями – короче говоря, он своими руками уничтожит этих нахальных гостей с Луны.

Теперь, когда императорская стража расположилась вокруг дома Рубщика Бамбука и даже на крыше, ночь тянулась медленно. В час Мыши³³ все вокруг осветилось ярким сиянием, затмевающим своим великолепием свет Луны и звезд. В этом свете появилось странное облако, несущее людей с Луны. Облако медленно опускалось, пока не коснулось земли, и тогда лунные люди на нем перестроились и приняли боевой порядок. Когда императорская охрана увидела их, то каждый воин устрасился этого невиданного зрелища, но некоторое время спустя кое-кто из них нашел в себе достаточно храбрости натянуть луки и пустить свои стрелы, но все стрелы пролетели мимо цели.

На облаке находилась летучая колесница с балдахинном и занавесями из тончайшей шерсти, и из этой колесницы грянул могучий голос:

– Иди сюда, Мияко Маро!

Рубщик Бамбука нетвердой походкой пошел на зов вперед, за что и получил нелестную отповедь от предводителя лунного народа, начинающуюся обращением: «Ты глупец!» – и заканчивающуюся повелением отдать ему Кагуя-химэ без всяких проволочек.

Колесница взлетела с облака и зависла в воздухе на уровне крыши. Опять тот же могучий голос прокричал:

– Эй, Кагуя-химэ! Сколько ты будешь медлить в этом убогом жилище?

Тотчас же входная дверь и внутренние решетки распахнулись сами собой, не устояв перед силой людей с Луны, и в окружении своих служанок появилась Кагуя-химэ.

Дева Кагуя перед своим отбытием простилась с униженным Рубщиком Бамбука и дала ему свиток, где было написано: «Если бы я родилась в вашем мире, среди вас, земных людей, то я с радостью осталась бы с вами, мои дорогие родители, чтобы рассеять вашу горе. Никогда, никогда бы я вас не покинула! Но увы! Это невозможно! Сейчас я сброшу платье, которое носила в вашем доме, и оставлю его вам как память обо мне. В ясную ночь выходите глядеть на луну. Ах, мне так тяжело покидать вас, что кажется, на полдороге упаду с небес на землю!»³⁴

Люди с Луны принесли с собой в сундуке небесное платье из птичьих перьев и несколько капель Напитка Бессмертия. Один из них сказал Деве Кагуя:

– Выпейте, прошу, этот напиток, чтобы очистить свой дух от грубости этого грязного мира.

Кагуя-химэ, глотнув напитка, уже хотела укутаться в накидку, что оставила на память старику Рубщику Бамбука, который так ее любил, но один из лунных людей ей помешал,

---

³³ Время с 10 часов вечера до полуночи. Профессор Чэмберлейн пишет: «Годы, дни и часы обозначались одним из знаков зодиака».

³⁴ Цит. по кн.: Старинные японские повести. СПб.: Северо-Запад, 2003. С. 64.

попытавшись набросить на ее плечи небесное платье из птичьих перьев. Тут Дева Кагуя воскликнула:

– О, имейте хоть немного терпения! Сердце того, кто наденет это платье, тотчас переменится, а мне еще есть что сказать тем, кого я покидаю!

И она стала писать Микадо следующие строки:

«Вы изволили выслать большое воинство, чтобы удержать меня на земле, но за мной явились посланцы с неба, которых нельзя послушаться. Я принуждена следовать за ними. Жаль мне и грустно расставаться с землей! Я отказалась служить Вам лишь потому, что я существо не из здешнего мира. Пусть не могли Вы постигнуть истинную причину моего отказа и, может быть, дурно подумали обо мне, но я не властна была со спокойной душой ответить Вам согласием. А сейчас тяжестью легла мне на сердце мысль о том, что сочли Вы меня дерзкой и бесчувственной»³⁵.

Вручив этот свиток вместе с бамбуковой трубкой, наполненной Напитком Бессмертия, в руки начальника войска, она позволила накинуть на себя небесное платье из птичьих перьев, и в тот же миг все ее воспоминания о земном существовании исчезли.

Затем Дева Кагуя, окруженная толпой лунных людей, села в небесную колесницу, и облако стало стремительно подниматься в небеса, пока не пропало из виду.

Горе Рубщика Бамбука и Микадо не знало границ. Последний созвал Государственный Совет и спросил, какая из гор на земле самая высокая. Один из советников отвечал:

– В провинции Суруга, недалеко от столицы, есть гора, которая гораздо ближе к Небу, чем все остальные горы земли.

После чего его величество сложил следующий стих:

Не встретиться нам вновь!
К чему мне жить на свете?
Погас твой дивный свет.
Увы, напрасный дар —
Бессмертия напиток.

Пер. В.Н. Марковой

Затем свиток, написанный Девой Кагуя, вместе с Напитком был отдан человеку по имени Цуки-но Ивакаса (что значит «Скала в Сиянии Луны»). Ему было приказано отнести это на вершину самой высокой горы в провинции Суруга и, стоя на самом высоком горном пике, сжечь свиток вместе с Напитком Бессмертия.

Итак, Цуки-но Ивакаса смиренно выслушал императорский приказ и, взяв с собой отряд воинов, взобрался на гору и сделал то, что ему было велено. И именно с тех пор той горе было дано имя Фудзияма (Бессмертная Гора), и люди говорят, что дым того костра до сих пор струится с самой высокой вершины, чтобы смешаться с облаками в небе.

---

³⁵ Цит. по кн.: Старинные японские повести. СПб.: Северо-Запад, 2003. С. 64–65.

Глава 4 БУДДИЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Легенда о Золотом Лотосе

Данная легенда явно не японского происхождения. Буддийские монахи в Японии считали, что успех их религии заключается не в отказе от старых синтоистских божеств, а в том, чтобы ловко их приспособить к своему учению. В таких случаях Япония заимствовала у Индии и в меньшей степени у Китая, если мы считаем, что драконы изначально были элементом эпоса Поднебесной. Мы близко следуем версии г-на Эдварда Грия и включили сюда эту легенду, поскольку она часто фигурирует в проповедях японских священнослужителей и приобрела явно японские черты. Мы могли бы продублировать многие легенды подобного рода, но для наших целей достаточно будет и одной. Другие две легенды, приводящиеся в данной главе, определенно японские.

Святой Будда, закончив свою священную медитацию на горе Дан-доку, медленно шел по каменистой тропе в город. Темные ночные тени наполнили на землю, и всюду разливалось глубокое спокойствие.

Приближаясь к цели своего похода, Будда услышал, как кто-то выкрикнул: «Сё-гиё мудиё!» («Внешние манеры не всегда показывают характер»).

Великий Будда восхитился этими словами и захотел узнать, кто говорит столь мудро. Снова и снова слышал он эту фразу и, подобравшись к краю обрыва, заглянул в лежащую внизу долину и увидел безобразного Дракона, злобно смотревшего на него вверх.

Тогда Святой уселся на скалу и спросил Дракона, как тот сумел постичь одну из высших тайн буддизма. Такая глубокая мудрость подразумевает открытие для себя ряда духовных истин, и поэтому Великий Будда попросил Дракона изречь еще что-нибудь столь же мудрое.

Тогда Дракон, обвив скалу, пророкотал громовым голосом:

– Дзэ-сё мэцу-бо! (Все живущее враждебно закону Будды!)

Произнеся эти слова, Дракон некоторое время пребывал в молчании. Тогда Божественный Будда попросил Дракона изречь еще что-нибудь.

– Сё-мэцу мэцу-и! (Все живущее должно умереть!) – вскричал Дракон.

При этих словах Дракон посмотрел на Великого Будду, и гримаса крайнего голода исказила его наводящие ужас черты.

Затем Дракон поведал Святому Будде, что следующая истина будет последней и столь ценной, что он не сможет открыть ее, пока не утолит свой голод.

На это Святой отвечал, что не откажет Дракону ни в чем, если услышит четвертую истину, и спросил, что требуется Дракону в качестве пищи. Когда Великий Будда услышал, что в обмен на последнюю мудрую истину Дракон желает человеческой плоти, Будда ответил, что его религия запрещает отнимать жизнь, но для благополучия своих людей он пожертвует собственным телом.

Дракон открыл свою огромную пасть и произнес:

– Яку-мэцу и-раку! (Самое большое счастье познается лишь после того, как душа покидает тело!)

Великий Будда поклонился и прыгнул в зияющую пасть Дракона.

Как только Святой коснулся челюстей чудовища, они вдруг разделились на восемь частей и в тот же миг превратились в восемь лепестков Золотого Лотоса³⁶.

Бронзовый Будда из Камакуры и Кит

(по книге У.Э. Гриффиса «Волшебные сказки Древней Японии»³⁷)

Под звуки старинных песен, обращенных в прах и боль,
Когда идолы и деревья окутывает Смерть туманом вздохов
(Где вы, дни величия Камакуры?
Где ты, прежняя жизнь веков?),
С сердцем, возвышенным до тишины,
вечный Дайбуцу сидит.

Ёнэ Ногутти

Огромный бронзовый Будда из Камакуры, или Дайбуцу, несомненно, является одной из самых выдающихся достопримечательностей Японии. Одно время Камакура была столицей Японии. Это был огромный город, примерно с миллионным населением, где в тревожные годы Средневековья находилась резиденция сегунов и регентов семейства Ходзё. Но Камакура, несмотря на благочестие почитателей Святого Будды, дважды пострадала от бури и в конечном итоге утратила свое былое величие. Сегодня на местах былой славы растут леса и расстилаются рисовые поля. Бури и пожары, однако, пощадил храм Хатимана (Бога Войны) и бронзовую статую Будды. Одно время эта гигантская фигура стояла в храме, но теперь статуя с загадочной улыбкой на огромном лице и с полным покоем взглядом, над которым не властны ничтожные мирские бури, возвышается над деревьями.

Легенды почти всегда просты. Божества, независимо от их аскетизма, низводятся до человеческого уровня. В истории об Амиде Буцу и Ките прослеживается отзвук всего учения Будды. В приведенной далее легенде можно проследить трогательное желание преуменьшить величие Будды. Гигантские размеры Дайбуцу в самом деле противоречат тому любопытному пристрастию к вещам небольших размеров, столь свойственному японцам. В этой легенде мы находим веселую иронию, желание слегка сбить спесь с Великого Учителя, уменьшив его в росте хоть на пару дюймов!

В Японии многое нам кажется «перевернутым с ног на голову», поэтому мы не удивляемся, когда обнаруживаем, что единицы меры предметов из металла и мягких изделий разные. Для мягких предметов используется «китовый» фут, для любых твердых – фут «металлический». В этих единицах измерения разница в два дюйма, и, возможно, эта легенда откроет нам причину этого явно смущающего отличия.

Бронзовый Будда в сидячей позе имеет пятьдесят футов в высоту и девяносто семь футов в окружности. Его лицо – длиной восемь футов, а пальцы на руках – три фута в диаметре. Возможно, это самая большая в мире бронзовая фигура. Такое огромное изваяние, естественно ставшее сенсацией в дни расцвета города Камакура, было создано по повелению великого военачальника Минамото Ёритомо. Дороги, ведущие в город, были забиты

---

³⁶ Лотос – священный цветок в буддизме, символ чистоты и райского блаженства.

³⁷ Fairy Tales of Old Japan, by W. E. Griffis.

паломниками, сгорающими от нетерпения узреть последнее чудо. И все согласились, что это бронзовое изваяние было самым большим в мире.

Вполне могло случиться, что моряки, видевшие это чудо, обсуждали его, когда закидывали свои сети. Как бы то ни было, но громадный Кит, живший в Северном Море, случайно услышал о Бронзовом Будде из Камакуры, а поскольку он считал себя самым большим на земле, к мысли о возможном сопернике он отнесся с неодобрением. Он считал невозможным, чтобы мелкие людишки смогли соорудить нечто, что соперничало бы с его огромными размерами, и от души посмеялся над абсурдностью такого предположения. Однако смеяться ему пришлось недолго. Кит был неумеренно завистлив, и когда услышал о многочисленных паломниках в Камакуре и непрекращающихся похвалах видевших святой образ, то сильно разгневался, стал бить по воде хвостом, пока море не вспенилось, и с такой яростью пускал фонтан из носа, что все остальные обитатели морских глубин старались обходить его стороной. Одиночество лишь усугубляло его беспокойство, он перестал есть и спать и от того похудел. В конце концов, Кит решил обсудить эту проблему с одной доброй Акулой.

Акула отвечала на раздраженные вопросы Кита со спокойным сочувствием и согласилась сплывать в Северное Море, чтобы снять мерки с изваяния и вернуться к своему возбужденному приятелю с результатами этих измерений.

Акула пустилась в путь и добралась до побережья, откуда можно было увидеть возвышающуюся статую Будды на расстоянии в полмили от моря. Так как Акула не могла передвигаться по суше, то уже была готова отказаться от задуманного, но, на свое счастье, заметила крысу, бегающую по джонке. Акула рассказала ей о своем поручении и попросила сильно польщенную крысу снять мерки с Бронзового Будды.

Крыса прыгнула с лодки, выплыла на берег и пробралась в темный храм, где стоял Великий Будда. Поначалу она была так поражена величиим увиденного, что не могла сообщить, как ей выполнить просьбу Акулы. В конце концов крыса решила обойти вокруг статуи, считая при этом свои шаги. Обойдя статую вокруг, она насчитала ровно пять тысяч шагов и по возвращении на джонку сообщила Акуле об этих измерениях основания Бронзового Будды.

Акула, рассыпавшись в благодарностях, вернулась в Северное Море и сообщила Кита, что слухи о размерах этого ненавистного ему изваяния оказались слишком правдивы.

Изречение, что «неосведомленность – вещь опасная», применимо даже к китам, и Кит из нашей легенды, став осведомленным, разозлился еще больше. Как в сказке, знакомой детям, он обул сапоги-скороходы, которые позволяли ему передвигаться по земле так же легко, как по морю.

Кит добрался до храма в Камакуре поздно вечером. Он обнаружил, что служители уже разошлись и крепко спят. Кит постучал в дверь. И вместо недовольного бурчания полупроснувшегося священника услышал, как Святой Будда сказал голосом звучным, как звон большого колокола:

– Входи!

– Не могу, – ответил Кит, – я ведь слишком большой. Ты не мог бы сам выйти наружу?

Когда Будда узнал, кто был его гостем и что ему нужно в столь неподходящее время, он снизошел до того, чтобы спуститься с пьедестала и выйти из храма. Удивлению с обеих сторон не было предела. Если бы у Кита были колени, они бы у него непременно подогнулись. Вместо этого он ударился головой о землю. Со своей стороны Будда тоже был очень удивлен, увидев существо столь огромных размеров.

Вы можете себе представить, какой ужас испытал настоятель храма, когда обнаружил, что на пьедестале больше нет изваяния Святого. Услышав странную беседу за пределами храма, он вышел посмотреть, что происходит. Сильно перепуганного священника призвали помочь в споре и попросили снять мерки с изваяния Будды и Кита, и, естественно, он при-

нялся измерять их своими четками. Пока настоятель был занят измерениями, статуя Будды и Кит ждали результатов, затаив дыхание. Когда мерки были сняты, оказалось, что Кит на два дюйма длиннее и выше, чем Бронзовый Будда.

Кит вернулся в Северное Море еще более тщеславным, чем прежде, а статуя вернулась в храм, уселась на пьедестал, где и остается по наши дни, не став хуже оттого, что обнаружилось, что не такая уж она и большая, как думали. С тех пор торговцы договорились, что для измерения товаров из ткани и изделий из металла и дерева будут применять разные футы. А разница между футами для одних товаров и других будет равна двум дюймам.

Кристалл Будды

(по мотивам «Кристалла Будды» госпожи Ёи Одзакі³⁸)

В древние времена в Японии жил-был великий государственный сановник по имени Каматари. Единственная дочь Каматари, Кохаку-Ё, была чрезвычайно красива, а доброта ее не уступала красоте. Она была утешением отцовскому сердцу, и он решил, что если она и выйдет замуж, то за того, чье положение не ниже императорского. Эта идея прочно засела у него в голове, и он упорно отклонял все предложения искателей ее руки.

Однажды во дворе дворца поднялась большая суматоха. Через открытые ворота устремились несколько человек, несущих знамя с драконом, вышитым шелком на желтом фоне. Каматари понял, что эти люди – посланники китайского Двора с вестью от императора Косо. Император прослышал о необычайной красоте и утонченном очаровании Кохаку-Ё и возжелал жениться на ней. Как и принято на Востоке в подобных случаях, предложение императора сопровождалось обещанием, что, если Кохаку-Ё согласится стать его невестой, он позволит ей выбрать из своей сокровищницы все, что ей понравится, и отослать это на родину.

После того как Каматари принял посланников с надлежащими церемониями и пышностью и предоставил в их распоряжение целое крыло дворца, он вернулся в свои покои и приказал слуге привести к нему дочь.

Войдя в отцовские покои, Кохаку-Ё поклонилась ему и смиренно опустила на белые циновки, ожидая, когда ее сановный отец заговорит.

Каматари сказал дочери, что выбрал ей в мужья китайского императора, и малышка заплакала, услышав эту новость. Она так была счастлива в своем доме, а Китай так далеко от него. Однако, когда отец поведал ей о том, как она в будущем будет счастлива, гораздо счастливее, чем сейчас, она вытерла глаза и с некоторым удивлением слушала слова отца о том, что все сокровища Китая лягут к ее маленьким ногам. Она обрадовалась, когда отец сказал ей, что она сможет послать три драгоценности из этих сокровищ в храм Кофукудзи, где она получила благословение, когда родилась.

Итак, Кохаку-Ё подчинилась воле отца без малейших дурных предчувствий, без малейшей сердечной боли. Девушки, прислуживавшие ей, заплакали, услышав эту весть, но утешились, когда мать Кохаку-Ё сказала, что из них выберут нескольких, которые отправятся вместе с хозяйкой.

Прежде чем отплыть в Китай, Кохаку направилась в свой любимый храм Кофукудзи и, подойдя к священному алтарю, воздала молитву, прося у богов защиты в дороге, пообещав, что если молитвы ее будут услышаны, то в благодарность она пришлет в храм три самые ценные вещи из Китая.

---

³⁸ «Buddha's Crystals» by Madame Yei Ozaki.

Кохаку добралась до Китая благополучно и была встречена императором Косо с большими почестями. Доброта императора вскоре развеяла ее детские страхи. На самом деле он относился к ней с гораздо более сильным чувством, чем доброта. Он разговаривал с ней языком влюбленных:

– После нескончаемых дней утомительного ожидания я сорвал азалию в далеких горах, а теперь посадил цветок в своем саду, и сердце мое преисполнено радостью!

Император Косо водил ее из дворца во дворец, а она не знала, какой из них самый красивый, но ее венценосный супруг считал, что ни один из них не достоин ее красоты. Ее незаконную красоту он пожелал увековечить на просторах Китая и за его границами. «Поэтому он созвал своих золотых дел мастеров и садовников, – как пишет госпожа Одзаки, – и приказал им сотворить такую дорогу для императрицы, о которой никогда никто не слышал во всем мире. Ступени, по которым она будет ходить, должны представлять собой цветки лотоса, отлитые из золота и серебра; и куда бы она ни направлялась – прогуляться ли под сенью деревьев или вдоль озера, – чтобы ее прекрасные ноги никогда не касались простой земли». И с тех самых пор в Китае и Японии поэты, воспевающие любовь в своих песнях, стихах и любезных разговорах, называли ступни возлюбленных «ступнями лотоса».

Но, несмотря на все великолепие, что окружало Кохаку, она не забыла о родной земле и о клятве, данной богам в храме Кофукудзи. Однажды она робко рассказала о своем обещании императору, и он, обрадовавшись еще одной возможности ей услужить, разложил перед ней такое количество красивых и драгоценных вещей, что казалось, будто у ног ее внезапно возник изысканный призрачный мир из ярких красок и совершенных форм. Красивых вещей было так много, что Кохаку поняла, что сделать выбор ей будет очень сложно. В конце концов она выбрала три волшебных сокровища: музыкальный инструмент, по которому ударишь лишь раз, и он будет играть сам; каменную тушечницу – стоит открыть ее крышку, и обнаружишь внутри неиссякаемый запас индийской туши; а самым последним она выбрала «прекраснейший кристалл, в глубине которого, с какой стороны ни помотришь, видно Великого Будду верхом на белом слоне. Драгоценный камень был превосходной чистоты и сиял ярко, как звезда, и кто бы ни заглянул в его прозрачные глубины, увидит божественный лик Будды, навеки обретет покой в своем сердце».

После того как Кохаку налюбовалась этими сокровищами, она послала за великим мореходом Банко и поручила ему в целостности и сохранности доставить их в храм Кофукудзи.

Плавание морехода Банко шло благополучно, пока он не оказался в японских водах и не стал входить в залив Сидо-но-ура. Тогда внезапно налетел страшный ураган, который бросал судно из стороны в сторону. Волны вздымались с яростью диких животных, а вспышки молний без конца рассекали небо, лишь на секунду освещая качающийся на волнах корабль; судно то взмывало на пик водной горы, то обрушивалось в зеленую долину, из которой, казалось, ему не суждено выбраться.

Шторм прекратился также неожиданно, как и начался. Чья-то волшебная рука разогнала тучи на небе и постелила на море синий сверкающий ковер. Первая мысль морехода Банко была о том, все ли в порядке с сокровищами, доверенными ему, и, спустившись в трюм, он нашел и музыкальный инструмент, и чернильницу на своих местах, а вот самой большой драгоценности – Кристалла Будды – не было. Он уже подумывал лишиться себя жизни – так сильно горевал о потере. Но, поразмыслив, решил, что мудрее будет оставаться в живых и сделать все возможное, чтобы найти кристалл. Поэтому он поспешно сошел на берег и доложил об этом ужасном несчастье Каматари.

Как только Каматари сообщили о пропаже Кристалла Будды, его мудрый министр сообразил, что, скорее всего, его похитил Дракон – Повелитель Моря. Для этого-то он и вызвал шторм, позволивший ему безнаказанно похитить сокровище.

Каматари посулил большую награду рыбакам, которых он увидел на побережье Сидо-но-ура, если кому-то из них удастся добыть из моря кристалл и привезти его обратно. Все рыбаки вызвались сделать это, но после многочисленных попыток драгоценный камень все еще оставался у Повелителя Моря.

Весьма огорченный этим, Каматари неожиданно увидел бедную женщину с ребенком на руках. Она стала просить влиятельного вельможу позволить ей броситься в море и отыскать кристалл. Несмотря на то что на вид она казалась очень хрупкой, речи ее звучали убедительно. Казалось, материнские чувства придавали ей храбрости. Она вызвалась помочь, рассчитывая, что, если ей повезет и она найдет кристалл, в качестве награды Каматари воспитает ее малолетнего сына самураем, чтобы он стал в жизни кем-то иным, а не жалким рыбаком.

Следует заметить, что Каматари при жизни был сильно озабочен благополучием своей дочери, и потому он понял стремление бедной женщины и торжественно пообещал, что, если женщина честно выполнит свое обещание, он с радостью выполнит ее просьбу.

Женщина отошла в сторону и, сняв с себя верхнюю одежду и обвязав талию веревкой, за которую заткнула нож, приготовилась к выполнению этой рискованной задачи. Отдав конец веревки рыбакам, она прыгнула в воду.

Сначала женщина видела под собой лишь смутные очертания скал, мечущихся испуганных рыб и тусклое золото песка. Внезапно перед ней появились крыши дворца Повелителя Моря, огромного и величественного сооружения из кораллов, чередующихся с пучками многоцветных водорослей. Дворец был похож на огромную пагоду, возвышавшуюся ярус за ярусом. Женщина подплыла поближе, чтобы лучше разглядеть его, и заметила яркое свечение, ярче, чем свет нескольких лун, такое яркое, что слепило глаза. Это был блеск Кристалла Будды, укрепленного на острие самой высокой дворцовой башни. Сияющий драгоценный камень со всех сторон окружали драконы-стражники, которые крепко спали, но казалось, что они сторожат камень даже во сне!

Женщина храбро плыла вверх и молилась про себя, чтобы стражники не проснулись до того, как она с похищенным сокровищем не окажется в безопасности. Но как только она схватила Кристалл, стражники проснулись, яростно взбивая воду хвостами, они тянули к сокровищу свои лапы с огромными когтями, и спустя мгновение они бросились в погоню. Чтобы не потерять Кристалл, который она добыла, подвергаясь смертельной опасности, женщина разрешила себе левую грудь и вложила Кристалл в кровоточащую рану, зажав рукой свою израненную плоть, не издав ни единого стога от боли. Когда драконы увидели, что вода потемнела от крови, то повернули назад, ведь морские драконы боятся вида крови.

Тут женщина резко дернула веревку, и рыбаки, сидящие на выступающих из воды скалах, резво потянули ее к берегу. Они осторожно положили спасенную на песок и увидели, что глаза женщины закрыты, а из груди обильно течет кровь. Каматари сначала подумал, что женщина пожертвовала своей жизнью напрасно, но, склонившись над ней, заметил рану у нее на груди.

В этот момент она открыла глаза и, достав драгоценный камень из потайного места, прошептала несколько слов Каматари о его обещании, а затем упала замертво с блаженной улыбкой на лице.

Каматари взял ребенка женщины к себе и заботился о нем, как заботился бы о нем любящий отец. В должное время мальчик вырос, возмужал и стал храбрым самураем, а после смерти Каматари, так же как и он, занял должность государственного чиновника. Когда позднее он узнал историю о самопожертвовании его матери, то построил храм у залива Сидо-но-ура в память о той, что была такой храброй и преданной. Храм называли Сидодзи, паломники до сих пор приходят туда и помнят благородство бедной ныряльщицы за жемчугом.

Глава 5 ЛЕГЕНДЫ О ЛИСАХ

Инари – Божество Лисы

Лиса по многим причинам занимает важное место в японских легендах³⁹. Изначально Инари была Богиней Риса, но в XI веке ее стали связывать с Божеством Лисы, которому приписывались добрые и злые поступки, но в большинстве случаев злые, столь разнообразные и изощренные, что не вызывают непонимания у иностранного читателя. Все лисы обладают почти неограниченными сверхъестественными способностями, у них необыкновенно острое зрение, они все слышат и могут читать тайные мысли человека, вдобавок могут принимать иной облик и мгновенно перемещаться в пространстве. Главное свойство злой лисицы – умение обманывать людей, для чего она превращается в красивую женщину, и именно об этом повествуют многие легенды. Если тень женщины-лисицы случайно упадет на воду, в ней отразится лиса, а не прекрасная женщина. Считается, что если собака увидит женщину-лису, то образ красивой женщины тут же исчезнет, а останется только лисица.

Хотя легенды о лисах в Японии обычно ассоциируются со злом, Инари иногда проявляет себя и как доброе божество, которое может излечить кашель и простуду, принести богатство нуждающимся и откликнуться на молитвы женщин о ребенке. Еще один добрый поступок Инари, который мы можем связать с Дзидзо, – это то, что божество помогает маленьким мальчикам и девочкам стойко переносить неприятную процедуру бритья волос не слишком острой бритвой, а также помогает малышам вытерпеть горячую ванну, температура которой в Японии обычно бывает не менее 55 °С.

Инари нередко вознаграждает людей за любое проявление доброты к лисам. Однако только часть его вознаграждения на самом деле реальна, по крайней мере одна из соблазнительных монет очень быстро превратится в траву! Те немногие добрые дела, что совершает Инари (а мы хотим отдать ему справедливость), зачеркиваются бесчисленным количеством его злых поступков, иногда очень жестоких, о чем мы скажем позже. Лисью тему в японской мифологии Лафкадио Херн точно назвал «зоологией привидений», и это хитрое и злобное животное своими гораздо более ужасающими повадками и поступками, определенно, больше походит на привидение, чем целый арсенал призраков в святящихся одеждах, гремящих цепями!

Одержимость дьяволом

Часто считают, что одержимость дьяволом вызвана пагубным влиянием лисы. Такая форма одержимости известна как «кицунэ-цуки»⁴⁰. От дьявольской одержимости обычно страдает женщина из бедного сословия, очень чувствительная и суеверная и верящая во всевозможные приметы. Вопрос об одержимости дьяволом до сего времени считается неразрешенной загадкой и исследования доктора Баэlsa из Императорского университета Японии, видимо, указывают на тот факт, что, несмотря ни на что, одержимость людей животными вполне реальна и абсолютно правдива. Он отмечает, что лиса обычно входит в женщину или

---

³⁹ Легенды о странных сверхъестественных силах лисиц существуют не только в Японии. Множество примеров магических умений этих животных можно найти и в китайских легендах.

⁴⁰ «Кицунэ» (яп.) – лисица, лиса; «цуки» от «цуру» (яп.) – прилипнуть, приставать.

через грудь, или под ногти и живет в ней своей жизнью, часто говоря голосом, совершенно отличным от человеческого.

Камень Смерти⁴¹

И в зимнюю стужу, и в летний зной
Камень Смерти стоит на болоте в Насу,
Хоть от старости он и порос серым мхом,
Злобный Демон никак не покинет его.

Холодом обдает: печальный крик совы
Раздался хрипло среди стонущих сосен;
По зарослям измельчавших хризантем
Лиса крадется, слышен вой шакала,
Болото освещает лишь тусклый осени свет.

Буддийский монах по имени Гэнно после долгого утомительного путешествия добрался до болота в Насу и уже собирался отдохнуть в тени огромного камня, когда внезапно явился Дух и сказал:

– Не отдыхай у этого камня. Это – Камень Смерти. Люди, птицы и звери погибали, лишь прикоснувшись к нему!

Эти загадочные слова предупреждения, естественно, пробудили любопытство Гэнно, и он попросил Духа сделать ему одолжение и рассказать историю о Камне Смерти⁴².

И Дух начал свой рассказ:

– Давным-давно при дворе японского императора жила одна красавица. Девушка была так прекрасна, что ее прозвали Драгоценная Дева. Ее мудрость не уступала ее красоте, поскольку она разбиралась в буддийском учении и конфуцианской классике, в науке и поэзии Китая.

Обладая прекрасным характером, она была столь искусна в науках, что сам император проявил к ней интерес.

Однажды ночью, – продолжал Дух, – Микадо устроил огромный пир в Летнем Дворце и собрал на него самых остроумных, мудрых и красивых людей земли. Это было блестящее общество. Но пока гости пили и ели под сладкие музыкальные мелодии, на большие покои напозла темнота. По небу метались черные тучи, и звезд не было видно. Пока гости сидели, оцепенев от страха, поднялся загадочный ветер и задул все светильники в Летнем Дворце. Кромешная тьма посеяла панику среди гостей, и кто-то выкрикнул, перекрывая шум: «Свет! Свет!»

И вдруг – о чудо! От тела Драгоценной Девы стало исходить яркое свечение. Этот таинственный свет рос, ширился и заполнял императорские покои. В непроглядном сумраке ночи стали видны узорные циновки и богато убранные стены, словно при свете полной луны.

---

⁴¹ «Камень Смерти», без сомнения, одна из самых примечательных легенд о лисах. Она рассказывает о злобной лисице, в разных жизнях принимавшей вид соблазнительной женщины. Это то появляющееся, то исчезающее существо, полное обольстительной, но разрушительной силы, разновидность японской Фата Морганы. Эта легенда взята из лирической драмы театра Но в переводе профессора Чэмберлейна.

⁴² Камень Смерти – это камень вулканического происхождения, вокруг которого поднимаются одуряющие сернистые пары. Он находится на севере уезда Насу, в десяти японских милях от Куроханэ. Легенда связывает его с Тамама-но-маэ – лисой-оборотнем.

С того самого часа Микадо захворал, – рассказывал Дух. – Он был настолько болен, что послали за Придворным Заклинателем, и этот достойный человек быстро определил причину изнурительной болезни его высочества. Он вкрадчиво поведал, что Драгоценная Дева порочна, это – демон, «который с искусным коварством, завладев сердцем Микадо, доведет государство до гибели!». Слова Придворного Заклинателя обратили сердце Микадо против Драгоценной Девы. Когда этого оборотня с презрением выдворили, она приняла свой истинный облик, а именно лисий, и убежала к этому самому камню в болоте в Насу.

Монах с сомнением посмотрел на Духа и осведомился:

– А ты сам-то кто такой?

– Я Дух, который когда-то поселился в груди Драгоценной Девы! Теперь же я навечно обитаю в Камне Смерти!

Праведный Гэнно пришел в ужас от такого жуткого признания, но, помня о своем долге монаха, сказал:

– Хотя ты и низко пал в своей порочности, но можешь опять подняться до добродетели.

Возьми эту монашескую рясу и чашу для подаяний и яви мне свое лисье обличье.

Тогда этот злой Дух жалобно запричитал:

– Я прячусь от ослепительного света дня, с наступлением ночи я появляюсь снова и с болью признаю свою вину, ведь во мне рождаются новые чистые помыслы.

С этими словами Дух внезапно исчез.

Гэнно не оставлял своих благих намерений. Он боролся за спасение этой заблудшей души решительнее, чем когда-либо. Чтобы душа смогла достичь Нирваны, он возлагал цветы, возжигал благовония и читал священные тексты перед камнем.

Совершив эти религиозные обряды, Гэнно обратился к камню со следующими словами:

– Дух Камня Смерти! Заклинаю тебя! Что случилось с тобой в прошлом, что заставило тебя принять такой жалкий облик?

Внезапно Камень Смерти разломился, Дух появился снова и зарыдал:

– И в камнях есть души, и в водах слышатся голоса. Ветер сметает все с небесного свода!

Гэнно увидел перед собой пылающее сияние, и в сияющем свете перед ним вдруг появилась лисица, внезапно превратившаяся в красивую девушку.

Так говорил дух Камня Смерти:

– Я та, которая вначале, в Индии, была демоном, почитаемым самим принцем Хадзоку. В Великом Китае я приняла обличье Ходзи, супруги императора Лю Вао; а при Дворе Страны Восходящего Солнца я стала Безупречной Драгоценной Девой, наложницей императора Тоба.

Дух признался Гэнно, что в облике Драгоценной Девы он действительно хотел превратить род императора.

– Я строил планы, – рассказывал Дух, – я уже торжествовал при мысли о смерти Микадо, и, если бы не могущество Придворного Заклинателя, я бы преуспел в исполнении задуманного. Как я и рассказывал, меня изгнали из дворца. Меня преследовали собаки и стрелы, и я, измученный, в конце концов укрылся в Камне Смерти. Время от времени я появляюсь на болотах. А теперь Великий Будда почувствовал ко мне сострадание и послал своего священника, чтобы указать путь истинной веры и принести покой.

В легенде сохранились следующие благочестивые строки, произнесенные раскаявшимся Духом:

«Клянусь, о, божий человек, клянусь тебе, чьи молитвы вознесли меня на Небеса, клянусь торжественною клятвой, такой же крепкой, как этот Камень Смерти, стоящий на торфах, что с этого часа я непорочен, как ребенок!»

Так говорил призрак и вслед за тем исчез.

Как лисы обманули Токутаро

Токутаро очень скептически относился к волшебным силам лисиц. Его скептицизм раздражал его товарищей, и они на спор заставили его пойти на болота Маки. «Если с ним ничего не случится, – пишет А.Б. Митфорд (лорд Редесдейл) в «Сказаниях Древней Японии», – Токутаро получит пять мер вина и тысячу дзэни – медных монет, ходивших тогда в обращении». Но если Токутаро испытает на себе лисье волшебство, он должен будет поставить пять мер вина и отдать тысячу медяков своим товарищам. Токутаро, презрительно усмехнувшись, заключил такое пари и, когда наступила ночь, отправился на болота Маки.

Токутаро решил быть очень осмотрительным и осторожным. Когда он почти дошел до болот, случайно встретил лису, метнувшуюся в бамбуковую рощу. Сразу после этого он увидел дочь старосты верхней деревни Хориканэ. Когда он сказал ей, что идет как раз в ту деревню, дочь старосты предложила путешествовать вместе, поскольку она сама направлялась туда же.

У Токутаро возникли вполне определенные подозрения. Он шел позади девушки, напрасно пытаясь увидеть у нее хвост лисицы. Когда они пришли в верхнюю деревню Хориканэ, родители девушки вышли им навстречу и были очень удивлены, увидев свою дочь, которая, выйдя замуж, жила совсем в другой деревне.

Токутаро с высокомерной улыбкой мудреца объяснил, что девушка, стоящая перед ними, не их дочь, а лиса, принявшая ее облик. Старики сначала с возмущением отвергли такое предположение. В конце концов, однако, Токутаро убедил родителей предоставить ему разобраться с девушкой в чулане, и те стали ждать, что из этого выйдет.

Токутаро схватил девушку, грубо сбил с ног, осыпая ее оскорблениями. Он топтал ее ногами, пытал ее, как только мог, каждую секунду ожидая увидеть, как она превратится обратно в лису. Но та только плакала и жалобно просила родителей, чтобы они пришли и спасли ее.

Этот искренний скептик, обнаружив тщетность своих попыток, сложил дрова на полу, поджег их и запытал девушку огнем до смерти. В этот момент прибежали ее родители и, привязав Токутаро к столбу, гневно обвинили его в убийстве.

Случилось так, что мимо проходил монах, услышав шум, он потребовал объяснений о случившемся. Когда родители девушки рассказали ему все, и когда он выслушал оправдания Токутаро, то попросил стариков пощадить ему жизнь с условием, что тот со временем станет хорошим и набожным монахом. Такая необычная просьба после некоторых споров была выполнена, и Токутаро, опустившись на колени для того, чтобы ему выбрили голову, был, несомненно, счастлив, что так легко вышел из такого затруднительного положения.

Как только голову злосчастного Токутаро побрили, он услышал громкий взрыв смеха и очнулся, обнаружив, что сидит на большой болотной кочке. Он инстинктивно поднял руки, потрогал голову и понял, что лисы обрили его волосы, а он проиграл спор!

Благодарность лисицы

После такой мрачной легенды, описывающей лисьи злодеяния, не лишним будет повесть об их бескорыстном самопожертвовании.

Случилось так, что однажды по весне два мальчугана пытались поймать маленького лисенка. Мужчина, который видел это, имел доброе сердце и, услышав, что мальчишки хотят продать лисенка, дал им половину бу⁴³.

Когда обрадованные дети убежали с деньгами, мужчина обнаружил, что у лисенка ранена лапка. Он тут же приложил нужную траву, и боль быстро утихла. Заметив невдалеке нескольких взрослых лисиц, наблюдавших за ним, он великодушно отпустил лисенка, и тот, хромя на завязанную лапу, поскакал к родителям и принялся радостно их облизывать.

А у этого добросердечного мужчины был сын, страдающий какой-то непонятной болезнью. Самый мудрый лекарь, в конце концов, перепробовав все, что можно, прописал ему печень живой лисы⁴⁴ как единственное средство, которое сможет ему помочь. Когда родители мальчика услышали об этом, они были очень огорчены и решили, что смогут принять печень лисы только от того человека, ремеслом которого была охота на лис. В конце концов, они попросили соседа достать печень, за что пообещали щедро заплатить.

На следующую ночь лисью печень принес какой-то странный человек, совершенно незнакомый этим людям. Гость заявил, что его послал сосед, которому они сделали заказ. Однако сосед явился к ним собственной персоной и признался, что хотя он и очень старался, но так и не смог добыть лисью печень и пришел, чтобы извиниться. Он с изумлением услышал рассказ о странном госте, который поведал ему родители болеющего мальчика.

На следующий день мудрый лекарь приготовил из лисей печени лекарство, и оно немедленно вернуло здоровье маленькому мальчику.

Вечером в спальне счастливых родителей появилась молодая женщина. Она объяснила, что является матерью спасенного хозяином лисенка и в благодарность за его доброту она убила своего отпрыска, а ее муж, приняв облик таинственного незнакомца, принес печень, в которой так нуждались родители болеющего ребенка.

Инари отвечает на молитву женщины

Инари, как мы уже выяснили, часто бывает чрезвычайно великодушным. Одна легенда рассказывает о том, как женщина, которая была замужем уже много лет, но которой так и не посчастливилось родить ребенка, молилась в храме бога Инари. Под конец ее горячих молитв каменные лисы замахали хвостами и начал падать снег. Женщина сочла эти явления добрым знаком.

Когда женщина возвращалась домой, к ней пристал нищий попрошайка и попросил что-нибудь поесть. Добрая женщина дала этому несчастному страннику немного коричневого риса, единственную еду, которая была у них в доме, подав ее на блюде.

На следующий день ее муж обнаружил это блюдо перед алтарем, у которого молилась женщина. Нищий оказался не кем иным, как самим богом Инари, и щедрость женщины была вознаграждена в должное время рождением ребенка.

Жадность Райко

В некоей деревне жил один богач по имени Райко. Несмотря на свое огромное богатство, которое он всегда носил в своем оби (поясе), Райко был очень скупым. С годами его жадность усиливалась, и он решил выгнать всех своих верных слуг, верой и правдой служивших ему.

---

⁴³ Бу или и ти бу – мелкая японская четырехугольная серебряная монета. Была в хождении до введения новой монетной системы в 1871 г.

⁴⁴ Печень как человека, так и животных часто фигурирует в японских легендах как средство от всевозможных хворей.

Однажды Райко сильно заболел, да так серьезно, что вскоре почти зачах от ужасной лихорадки. На десятую ночь у одра больного появился бедно одетый бонза⁴⁵ и осведомился, как тот себя чувствует, и добавил, что думает, что они унесут его, что было давно пора сделать.

Эта горькая правда, высказанная не слишком мягко, очень разозлила Райко, и он, негодуя, потребовал, чтобы монах убирался прочь. Но бонза, вместо того чтобы уйти, сказал, что от его болезни существует единственное средство: Райко должен расстаться со своим оби и раздать деньги беднякам.

Райко еще сильнее разгневался оттого, что счел слова монаха за непристойную дерзость. Он выхватил кинжал и попытался убить доброго бонзу. Монах, нисколько не испугавшись, сказал Райко, что он прослышал о подлых намерениях того выгнать верных слуг и потому пришел к нему ночью, чтобы выпустить его кровь.

– И вот, – сказал монах, – я добился своей цели!

И с этими словами он задул свечу.

Перепуганный Райко ощутил присутствие какого-то призрачного существа, которое наступало на него. Старик вслепую ударил кинжалом и поднял такой шум, что его верные слуги тут же вбежали в комнату с фонарями, при свете все увидели наводящий ужас коготь, лежащий рядом с татами старика.

Старательно следуя за маленькими капельками крови, слуги Райко добрались до миниатюрной горки в дальнем конце сада. В горке была большая нора, откуда видна была верхняя часть огромного паука. Это чудовище просило слуг попытаться убедить своего хозяина воздержаться от нападков на Богов, не быть таким жадным в будущем.

---

⁴⁵ Бонза – буддийский монах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.